

Владимир Нестерцов

В гостях у Папского
Престола

16+

Владимир Нестерцов
В гостях у Папского Престола

«Автор»

2019

Нестерцов В. Д.

В гостях у Папского Престола / В. Д. Нестерцов — «Автор»,
2019

Если вы любитель необычных приключений, то эта книга для вас. Вместе с героем романа вас ожидает разгульная жизнь средневекового студента, познание тайн боевых искусств казачества, «сладкий» плен амазонок Причерноморья, возглавляемых дочерью Александра Македонского. И наконец вы проникнете в самые скрываемые от всех тайны Ватикана, предотвратите покушение на Папу и обретете в подарок эликсир бессмертия.

© Нестерцов В. Д., 2019

© Автор, 2019

Глава I

– И где этот маленький попрыгунчик? Где этот хлопчик спрятался?

Дед Панас ходил по двору усадьбы и заглядывал во все щели, подыгрывая мне, маленькому мальчику, который, спрятавшись за малиновым кустом, тихо посапывал, не желая ранним утром делать обязательные «войсковые упражнения», как называл их разыскивающий сейчас меня дед. Это входило в обязательную программу моего воспитания, которую разработал мой отец-полковник войска Запорожского, носивший звучную фамилию Белодед. Я был младшим в семье, состоящей из трех братьев и двух сестер. Как отец умудрился в столь лихую годину создать такую большую семью, покрыто тайной. Но после его возвращения из очередного военного похода наша семья количественно расширялась. Каждому из детей отец предусмотрел свою систему воспитания, заранее определив направления нашего дальнейшего развития. Если старшие братья пошли по пути отца и их, учитывая постоянные военные конфликты, готовили к воинской службе, то меня решили воспитать в духе светских традиций. Кроме латыни, польского и турецкого языков, грамоты, математики и других дисциплин я должен был постигать и азы военной науки под руководством деда Панаса и деда Микола, старых боевых побратимов отца, выделявшихся из среды казачества своим характерным военным почерком. Они вместе и по отдельности занимались со мной разными военными упражнениями и военными «хитростями». И вот сегодня мне следовало осваивать пращу и бросать камни, вырабатывая меткость и умение быстро, на глаз, определять расстояние, лежащее передо мной и целью. От этого зависели и сила удара, и качество поражения цели. Но мне не нравилось бросать эти гадкие камни, а просто хотелось поспать в такое теплое раннее утро. Поэтому я и спрятался за кустом и сидел, тихо посапывая, в надежде, что меня не найдут и мне удастся еще подремать хоть чуть-чуть.

Между тем поиски моей особы продолжались. Я не был обнаружен ни в конюшне, ни в сарае, как в прошлый раз, не оказалось меня и в хлеву, и в стоге соломы, приткнувшемся возле ограды. Почесав затылок и сдвинув соломенный брыль на бок, дед Панас, подмигнув подошедшему к нему деду Миколе, сказал:

– И ума не приложу, где может быть этот Юрко. От негодный хлопчисько! Вроде бы все посмотрел, а найти не могу. Недаром мы с вами, Микола, учили его маскироваться. Видите, как он уже умеет прятаться: даже мы не можем его углядеть.

– Способный хлопчик, – расплылся в улыбке дед Микола. – Раз вы устали его шукать, пан Опанас, то давайте присядем на лавочку и выкурим по люльке ядерного турецкого табачку. Я только что его накрошил и страсть как хочу попробовать.

–

Не заперечую, пан Микола. Вы маете рацию!

И они, тихо переговариваясь между собою, присели на лавочку и из кисета Микола заправили свои глиняные люльки. Раскурив их, они стали с наслаждением вдыхать дым, который ветерком относил в мою сторону. Крепкий табак, достигнув моего убежища, стал щекотать мои ноздри и забивать легкие. Чтобы не выдать свои позиции, я сильно сдавил нос и задержал дыхание. Лицо мое стало красным от напряжения, а живот распирало от желания чихнуть. В конце концов, не выдержав этого издевательства, я громко чихнул, тем самым выдав свое месторасположение. Одновременно прокуренный воздух в моем животе взбунтовался и вырвался из нижней части полусогнутого тела.

Деды, чинно сидевшие на лавке, и ухом не повели в мою сторону, продолжая свое дело.

– Вы что-то чулы, пан Опанас? – спросил дед Микола.

– Да, вроде где-то что-то шумнуло, – ответил тот.

– Наверное, это гром, может, дощик будет, – задумчиво произнес Микола, хитро поглядывая на куст, за которым прятался я.

Я, конечно, понимал, что они давным-давно обнаружили меня, но делали вид, что ничего не замечают, давая мне возможность воспрянуть ото сна и освоить систему маскировки. То есть я должен был научиться отводить глаза. Говоря другим языком, необходимо было добиться того, чтобы на совершенно ровном месте меня не было видно. Пока получалось все наоборот: я каждый раз прятался так, что меня сразу находили. Я еще не был способен войти в то состояние, которое необходимо для того, чтобы освоить этот хитрый прием. Тем более, что очень хотелось поспать. Но из этого, впрочем, как и всегда, ничего не получалось, и я в клубах табачного дыма выбрался из-за куста и с поникшей головой предстал перед моими наставниками.

–А вот и наш казачок, – воскликнул удивленно дед Опанас и стряхнул с меня репейник, который мертвой хваткой вцепился в мои шаровары.

– Уже готов к занятиям, свеж и бодр яко агнец, – ласково погладил меня по голове дед Микола.

Подмигнув мне, он выбил пепел из своей трубки, спрятал ее в карман и, взяв меня за руку, повел на стрельбище. Оно было расположено в конце усадьбы и представляло собой плетень, на котором в ряд висели старые глиняные горшки. Они и были моей главной целью. Я должен был с различной дистанции поразить их сначала камнями, а затем пращей. Стрельбище было размечено прямыми линиями, определяющими расстояние до цели. Возле первой от плетня лежала куча засохших комков грязи, возле второй – камни, а последняя, самая дальняя, предназначалась для пращи.

–Ну, давай, козаче, начинай бой, – сказал дед Опанас и встал сбоку, чтобы присматривать за мной.

Я выдвинулся на первый рубеж, взял комок сухой грязи, взвесил его в руке, прицелился и закрыл глаза, чтобы вобрать в себя окружающую обстановку для нужного настроения. Постояв так несколько секунд, я снова открыл глаза и, взяв на прицел первый горшок, плавно запустил в него свой снаряд. Он, проделав в воздухе выкрутасы, так же плавно пролетел мимо цели. Я наклонился и взял второй кусок земли, но снова промахнулся, не рассчитав расстояние. Искося глянув на наставника, молча стоявшего рядом, я запустил третий – но и он пролетел над целью. Мне стало стыдно, и я, опустив руки, молча посмотрел на деда. Тот спокойно подошел ко мне и, подняв комок земли, резко бросил его вперед. Послышался звонкий щелчок, и макитра закачалась от попадания.

–Вспомни, как я учил тебя разворачивать руку и соизмерять расстояние, и начни снова.

Я взял себя в руки и, закрыв глаза, мысленно представил свои действия. Затем, нагнувшись, взял комок и резко кинул его вперед, подталкивая к цели своим взглядом. И он попал именно туда, куда я его направил. Окрыленный успехом, я быстро побросал оставшиеся снаряды, которые в основном поражали лежащие впереди мишени. Перейдя на вторую позицию, я взялся за камни, от которых два глиняных горшка даже треснули.

–Ну а теперь давай поиграем с пращей.

И дед Опанас достал ее из своих шаровар и торжественно вручил мне.

– Только ты сильно ее не крути. Вся хитрость не во вращении, а в броске и зоркости глаза. Сначала бей в макитру, а затем вот в эту доску.

И он пристроил к плетню доску, на которой мелом был нарисован воин на лошади.

–Главное – попасть во всадника, а не в коня. Конь – существо доброе и всегда согдится, а вот всадник, да еще басурман или лях, – это уже другое. Сначала просто попади в него, а затем будешь тренироваться попадать в различные части тела, чтобы не дать ему вытащить саблю или чтобы лишить его сознания, а может, еще чего другого. Пока он потянется за своими припасами, а ты его уже из пращи и достал. Праща – это очень полезное дело. Бывает, кончится порох, стрелы, пули, сломалась шаблюка, а у тебя еще есть праща и камешки под ногами, так что ты еще и повоюешь. Ну, давай, начинай.

И я, вложив в пращу снаряд, начал раскручивать ее над головой. В конце концов, она, свистнув, выбросила камень, который, попав в центр треснутого горшка, расколот его пополам. Так в течение часа я тренировал свой глазомер и мускулатуру. Горшки разлетались мелкими осколками, а я, войдя во вкус, почти не целясь, вновь и вновь попадал в цель. И в тот момент, когда я, казалось, достиг совершенства и стал попадать снарядом то в грудь, то в руку всадника на доске, дед прекратил мои упражнения.

–Ну, все, на сегодня хватит, пращу можешь носить с собой, вдруг сгодится. А теперь сядь на землю и успокойся.

И он вместе со мной уселся на теплую, пахнущую травяным ароматом землю. Поджав под себя ноги и вытянув вперед руки, я стал делать дыхательные упражнения, приводя себя в порядок. Перед закрытыми глазами мелькали то праща, то осколки горшков, то всадник, несшийся прямо на меня. Но постепенно эти картинки отделились, и на смену им пришло чистое небо, на горизонте которого сияло яркое солнышко. Это я ощутил по тем теплым лучам, которые ласково скользили по моему телу. Постепенно все пришло в норму. Мы встали и подошли к скамейке, возле которой нас ждал дед Микола. В руках у него было ведро только что набранной холодной колодезной воды. Я обреченно снял с себя одежду и закрыл глаза, готовясь принять на свое разгоряченное тело этот холодный водяной удар. Это происходило каждое утро, и я внутренне был готов. Но все равно, когда ледяной водопад покрывал мое тело, я сворачивался в комок, стараясь не подавать вида, как сводило мои челюсти и руки сами сжимались в кулаки. Это продолжалось мгновение, затем ледяное покалывание сменялось теплом, а затем тело запылало, когда дед Опанас стал растирать меня льняным полотенцем. Переодевшись в сухую одежду, я вприпрыжку побежал в дом, где меня ждал завтрак. Яичница с помидорами и кружка молока со свежим хлебом подняли мне настроение. Но не тут-то было: в кабинете уже маячила тощая фигура дьяка Симеона, который мне преподавал нудную латынь.

–Будь здрав, отрок, – просипел он и осенил меня крестным знамением. – Готов ли ты к учению или, как вчера, будешь спать за столом?

–А как же! – воскликнул я. – Я даже сделал домашнюю заготовку, вот!

И я начал читать ему вслух.

Cicada cara, quam es fortunata!

Felicitate plus hominibus dotata!

In herbis mitibus aetatem agis

Roremque melleum deliciose trahis.

(Кузнечик дорогой, сколь много ты блажен,

Сколь больше пред людьми ты счастьем одарен!

Препровождаешь жизнь меж мягкой травой

И наслаждаешься медвяною росой.)

Дьяк медленно ходил по комнате, помахивая деревянной линейкой, изредка отгоняя мух, пытавшихся сесть на его длинный нос. Порой он перебивал меня, указывая на ошибки в произношении, и заставлял повторить ту или иную фразу или строку, но в целом остался доволен.

–Ну а теперь, чтобы запомнить это божественное произведение, закрой глаза, представь себе его во всей красе и прочти все сначала с чувством и проникновением.

Я оторопел от этого и вопросительно посмотрел на учителя. Но тот был неумолим. Медленно закрыв глаза, я попытался представить себе это стихотворение. Но ничего, кроме тем-

ноты и каких-то пятен, не увидел. Тогда я крепче зажмурил веки, стиснув их до боли, но тоже ничего не получилось. А дьяк в ожидании медленно мерил комнату своими длинными ногами, постукивая линейкой по руке. Иногда эта линейка опускалась и на мою бедную голову, вызывая всплеск чувств, которые сразу способствовали активизации моих способностей.

–Нет, – подумал я, – надо расслабиться и успокоиться, а затем попытаться восстановить в памяти ту обстановку, в которой я учил это произведение. Постепенно перед глазами вырисовался стол, за которым я тогда сидел, гусиное перо, торчащее в чернильнице, кусок сухаря, который я грыз, совмещая учебу с едой. Так постепенно, переходя от предмета к предмету, я подошел к книге, лежавшей тогда передо мной. И здесь я остановился. Мне не удавалось прочесть ее страницы. Буквы налезали одна на другую, выгибались в какую-то дугу и никак не хотели встать в строчку, которую я смог бы прочесть. Я уже мысленно наклонялся вперед над книгой, откидывался назад, присматривался сбоку, но все напрасно. Отчаявшись, я схватил ржаной сухарь и откусил кусок. И совершилось чудо! По мере того как я жевал, буквы, распавшись, сами стали собираться в строки и выстраиваться по смыслу. Вскоре передо мной предстало все стихотворение, которое как бы повисло перед моими глазами. На радостях я даже подпрыгнул на лавке и стал читать его дьяку. Закончив стихотворение, я посмотрел на него. Тот, приостановив свое хождение, одобрительно кивнул головой.

–Ну а теперь прочти вот эту страничку, – и он открыл лежащую передо мной книгу, показав линейкой то место, откуда мне следовало читать. Обреченно вздохнув, я продолжил изучение этого славного языка. Затем следовали математика, риторика, чтение и грамматика. От меня требовалось четко излагать свои мысли и вырабатывать красивый почерк. После каждого урока у стола валялась куча сломанных гусиных перьев, которые рассыпались от моих попыток научиться проводить тонкую ровную линию и делать красивые завитушки на концах букв. От этих моих стараний бедные гуси страдали немеренно, когда из их крыльев выдирали перья, чтобы приготовить письменные принадлежности для меня. В конце концов, постепенно мне это стало удаваться.

После обеда меня ждал короткий отдых, а затем я снова попадал в объятия моих наставников и осваивал сабельное мастерство. Саблю подобрали мне по моей руке из отцовских боевых запасов. Ножны ее были без всяких украшений, но по всему клинку шла арабская вязь. Она приятно ложилась в мою руку и загадочно поблескивала на солнце. Сабельная наука заключалась в том, что нужно было освоить не только то, как правильно ее держать, но и умело наносить и отражать удары. Нужно было уметь делать это в равной степени и правой и левой рукой, перебрасывая саблю в случае необходимости. Деда по очереди сражались со мной, а иногда вдвоем насакивали с разных сторон, показывая всевозможные приемы защиты и нападения. А кроме этого еще приходилось осваивать науку рубки с плеча. От меня требовалось, чтобы я мог разрубить яблоко таким образом, чтобы две половинки остались на месте, а ветка лозы после удара не отскакивала сразу, а плавно ложилась отрубленной стороной набок. После таких упражнений сабля весила как стопудовая гиря, а руки наливались свинцовой тяжестью. Но больше всего мне нравились упражнения на лошади. Мой конь Гнедко, которого я выкормил с жеребенка, был отличным скакуном и понимал меня с полуслова. Мы с ним составляли единое целое. Я ни разу не позволил себе обидеть или ударить его. И он отвечал мне лаской и послушанием. Подойдет, положит голову мне на плечо и стоит, сопит, выпрашивая кусочек ржаного хлеба, а потом радостно кивает головой, словно благодарит за дружбу и угощение. А уж как мы с ним носились по полям и лугам, взлетали на пригорки, камнем падали вниз, стелились галопом по весеннему разнотравью! Здесь также надо было научиться не только стоять на летящей во весь опор лошади, но и, соскользнув по ее крупе на один бок, используя стремяна и подпругу, вылезти с другой стороны и снова очутиться в седле. Владение этими и другими приемами не раз спасали жизнь всаднику, оказавшемуся в гуще вражеского войска.

Стрельбой из лука я занимался вместе с татаринном Ахметкой. Как он оказался в нашем маетке, история умалчивает, но он был очень предан моему отцу. Так, краем уха я слышал, что отец спас его в свое время от чего-то страшного и в благодарность за это юноша остался с ним, а не вернулся обратно в Крым. Ахметка был очень ловким и быстрым в движениях. Когда он шел по двору, то тело его словно играло налитыми мышцами. Разговаривал он очень интересно, коверкая слова на свой лад. Кроме всего прочего он стал моим учителем в изучении татарского языка. Когда моя стрела, выпущенная из очень тугого татарского лука, пролетала мимо цели, он очень огорчался, бросал свою шапку на землю, оголяя свою бритую голову, и вспоминал на всех известных ему языках какого-то «Шайтана». Затем, успокоившись, подходил ко мне и терпеливо объяснял мои ошибки, добиваясь от меня того, чтобы я мог свободно из любого положения, пеший или на коне, поразить цель. Ох, и сложно это было! Кроме того, что тетива лука резала мне пальцы, когда ее натягиваешь, надо было еще учитывать и скорость цели, и расстояние до неё, и направление ветра. А особенно было трудно, если цель находилась в постоянном движении. Поэтому мне приходилось стрелять и в летящего бумажного змея, и в соломенный бриль деда Миколы, который он очень ловко бросал вверх, и в специальную движущуюся мишень в виде всадника. А еще были занятия кулачным боем, казацкой борьбой, стрельба из пищали и метание кинжала. Я ходил с вечными синяками и ссадинами, которые, казалось, въелись в мое детское тело. Единственным утешением в этой суровой муштре были минуты, которые я проводил рядом со своей кормилицей – бабой Горпиной. Попадая в ее теплые заботливые руки, я отмякал и душой, и телом. Она усаживала меня в большое деревянное корыто и отмывала, поливая теплой водой из глиняного кувшина. Я тоже вторил ей, когда она накладывала на мои синяки листья подорожника и лопуха, смазывала обожженное на солнце лицо сметаной и прикладывала к царапинам паутину, предварительно заставив меня плюнуть на нее.

–Ой, шо ж це робитися? Як же можна таке робити з дитиною? Я от візьму хворостину та й поб'ю цих байстрюків, Миколу та Опанаса, – причитала она, приводя меня в порядок. А я, попадая в ее заботливые руки, засыпал на ходу, не в силах вымолвить и слова. Она защищала меня и от Ахметки, втолковывая этому «басурману», что с «дитиною» так обращаться нельзя. На что тот гордо отвечал, что я не «дитина», а будущий воин, который должен уметь все, и не женское это дело – указывать мужчине, что ему делать. Отец, слушая эту перепалку, усмехался в усы, а братья тихонько хихикали в стороне. Им доставалось меньше, так как система воспитания, апробированная на них, была усовершенствована отцом и в полной мере проверена на мне. Я мужественно держался, лишь изредка позволяя себе всплакнуть в материнский подол, так как считал, что слезы – это проявление слабости мужчины.

Моя мать, урожденная дворянка, происходила из знатного литовского рода Литвинов, проявивших себя с самой лучшей стороны на государственной и военной службе во времена Великого княжества Литовского. Как отец смог жениться на ней, я не знаю, но родственники по материнской линии почти не общались с нами. Для матери это, конечно, было очень тяжело, и она, естественно, переживала. Тем не менее, я помню, что, когда я был маленьким, мы с ней ездили во Львов, где жили в очень большом и красивом доме, а меня держала на руках пожилая женщина, наверное, бабушка, которая говорила:

–Анна, как он похож на тебя, а ты ведь копия отец, – и гладила меня по головке. А затем, подняв руки, сняла со своей шеи золотую цепочку, на которой висел маленький золотой щит, и повесила мне его на шею.

–Это герб нашего древнего рода, пусть он всегда будет с тобой и охраняет тебя. По традиции он переходит к самому младшему в нашей семье, а самый маленький – это ты. Береги его, он откроет тебе любые двери и в дома, и в людские сердца. Хоть дед и ерепенится, но ты наша кровь и наша надежда, поэтому эта семейная реликвия теперь принадлежит тебе. Запомни

этот день, малыш. Ты теперь не просто казак, ты теперь дворянин, шляхтич, представитель и наследник знатного рода. Я чувствую, что именно тебе суждено возродить его былое величие.

И она, поцеловав меня, со слезами на глазах передала служанке, которая отнесла меня в комнату, где было много всяких игрушек. Там находились какие-то дети, которые сначала настороженно отнеслись ко мне, но затем постепенно мы нашли общий язык и стали играть вместе. Как оказалось потом, это были мои кузены и кузины.

На следующий день после завтрака, вместо детской комнаты меня повели по большой мраморной лестнице на второй этаж. Слуга, сопровождавший меня, остановился перед большой красивой дверью и, постучав в нее, ввел меня в комнату. Это оказался кабинет. В углу, возле окна, стоял письменный стол, за которым сидел седой человек с отвисшими усами. Слуга поставил меня напротив него и по сигналу седого вышел. Я оказался напротив окна, и свет от него падал мне в лицо, не давая возможности более детально рассмотреть сидевшего человека. Недовольный этим, я спокойно перешел в левую сторону и приблизился к столу, с любопытством поглядывая на сидящего. Тот строго рассматривал меня, словно искал что-то в моем лице очень важное для себя. Пауза затягивалась, и я, успев уже рассмотреть все, что меня заинтересовало в этой комнате, тоже стал смотреть на седого, не понимая, зачем я ему нужен. Вскоре мои мысли переключились на детскую комнату, где уже играли дети, а я должен был стоять тут, неизвестно для чего. Расстроившись от этого, я стал с вызовом смотреть на господина, не отводя взгляда от его лица. Наконец наши взгляды встретились, и он сердито посмотрел в мои глаза. Очевидно, он обладал большой властью, поэтому люди боялись его взгляда, который говорил о многом. Однако я тоже был не робкого десятка. Мы с братьями любили игру «кто кого пересмотрит», не моргнув ни разу, и я всегда выходил победителем. Здесь было посложнее. Если там был дружеский взгляд, то здесь он был тяжелым и колючим, который, казалось, говорил: «Кто ты такой?». Мне это начало надоедать, и я, призвав к себе все свои способности, молча смотрел в глаза усатого дядьки, все более наливаясь злостью. Наконец его глаза моргнули, и он, хмыкнув в усы, встал из-за стола и подошел ко мне. Взяв меня за плечи, он повертел меня в разные стороны, рассматривая поближе, затем чуть – чуть приподнял, словно взвешивая, потом поставил на место и в задумчивости произнес: «Да, чувствуется порода». После этого он снова сел за стол и откинулся в кресле в глубокой задумчивости. Очнувшись от одолевших его мыслей, он приподнял серебряный колокольчик и позвонил. Вошедший слуга отвел меня в детскую комнату, где уже вовсю шла детская кутерьма, в которую с большим удовольствием подключился и я.

Так незаметно пролетело три дня. Я привык к дому, к детям, и когда пришло время уезжать обратно, то горько плакал, расставаясь со всем этим. Но мама, вытерев мне слезы, повела в большой зал, где за столом сидели уже знакомые мне дедушка и бабушка и еще какие-то разодетые мужчины и женщины. Это оказались мои дяди и тети. Я был представлен им, и они по-разному отреагировали на это. Кто-то подмигнул мне, кто-то погладил по голове, а кто-то холодно смотрел в упор. Затем я вместе с мамой поцеловал руку дедушке и бабушке, которая украдкой вытерла слезу в уголке глаза, а дед более доброжелательно посмотрел на меня. Затем он встал и махнул рукой, и слуга поднес длинный сверток, обернутый в красную ткань. Дед развернул его, и моему взору предстала необычайной красоты сабля в черных кожаных ножнах, с серебряными вставками. Ее эфес был перевит тонкой змейкой, а рукоятка сделана из слоновой кости в виде древнего зверя с оскаленной пастью. Дед взял саблю и вытащил ее из ножен, приподняв ближе к лучу света, лившегося из большого окна. По лезвию сабли заиграли огненные молнии, вбивавшие в себя рисунки, которые шли посередине, выбрасывая свои блики к концу клинка. Подойдя ко мне, дед произнес:

–Отныне ты становишься равный нам. У тебя большое будущее, и у тебя теперь большая родня. Иди по своей дороге честно и достойно, и да пребудет с тобой Господь и мое благословение!

И с этими словами он саблей плашмя дотронулся сначала до моего левого, а затем до правого плеча, после чего поднес ее ко мне, дав поцеловать горящее белым светом лезвие. Потом он вложил саблю в ножны и протянул ее мне, сказав, что это семейная реликвия и она отныне принадлежит мне. Сабля станет моей надежной защитой, так как обладает многими необычными свойствами. Моя задача – подружиться с ней, понять ее и полюбить. На этом церемония была завершена, и мы с матерью под завистливые взгляды присутствующих вышли на крыльцо, где нас уже ждал возок.

Через два дня мы добрались домой. В дороге нас охраняли два казака из боевой сотни отца. Его не было дома, но к вечеру он, появившись, обнял нас и очень внимательно рассматривал мой подарок, поворачивая саблю то в одну, то в другую сторону.

–Добра шаблюка, – произнес он, вкладывая ее в ножны. – Не ожидал такого щедрого дара моему сыну. Чем же ты взял этого старого вельможу?

И он очень внимательно посмотрел на меня.

–Ну да вырастешь, поймешь. А пока пусть она полежит и дождет своего часа. И он, завернув ее в ткань, вынес в другую комнату. Так я стал обладателем этой замечательной сабли, а пока все тренировки и упражнения проводил обыкновенным боевым клинком.

Дни моего детства летели очень быстро. Если другие дети играли в казаков, брали друг друга в плен, ловили рыбу в ставке, то я практически был лишен этой радости. Нет, у меня были друзья: Стецько Груздь, Ванька Запытайло и другие хлопцы, с которыми мне иногда разрешали ходить в ночное и пасти коней. Это были незабываемые ночные бдения. Лежишь возле костра, который выстреливает свои искры прямо вверх, и смотришь в низкое небо, на звезды, которые накрывают тебя своим ковром и заманчиво подмигивают. И тебе кажется, что искры костра достигают этой звездной шали и загораются там новыми звездочками, взамен погасших. Невдалеке похрапывают лошади, переступая с ноги на ногу, пахнет разнотравьем и негой, которая разливается по всему телу. А рядом кто-то из ребят рассказывает «страшилки» – всякие истории- или задает такие вопросы, на которые очень сложно найти ответ.

–Говорят, что эти звездочки – это души людей, которые раньше жили на земле. Все они попадают на небо и там живут, – начал разговор Грицай. – Мне об этом говорила бабка Маланья, когда меня поймала в своем саду. Так вот, перестанешь яблоки воровать – попадешь на небо, а будешь продолжать- уйдешь под землю. Я тогда сильно испугался. А теперь вот думаю, как попасть на небо. Это что же получается, что вообще нельзя даже и маленького яблочка сорвать у нее?! А они такие вкусные!

–Да не знаю я, как, – вступил в разговор Василь. – Только мне интересно, почему одни звездочки как бы подмигивают, а другие горят ровным светом. Это что – от характера человека зависит? Или это они так разговаривают между собой?

–А если они разговаривают, почему мы их не слышим? Вот сколько я ни пытаюсь, а ни слова, ни шепота. Что это за такой язык? Я уже и на крышу хаты залазил, на стог сена, у деда Грицай слуховую трубку брал, а ничего не могу услышать.

–Это, наверное, особый язык, который для нас недоступен. Не доросли мы еще до него, – вступил в разговор я.

–А как надо расти? Аж до неба? – подпрыгнул Грицай.

–Не знаю я, знаю, что красиво, и все вокруг сейчас наливается какой-то светлой силой, которая дает нам возможность быть теми, кем мы есть, в том числе и этим звездочкам. Вот послушайте.

Все на минуту притихли. Постепенно, заглушая треск веток, стал слышен хор лягушек, в перерывах которого различался треск кузнечиков, на речке плескалась рыба, разгоняемая щукой, а по воде заискрилась лунная дорожка, которая как бы указывала путь наверх к мерцающим звездам. Все зачарованно слушали эту музыку жизни, которая была мощным ключом, каждой травинкой, каждой клеточкой тела, призывая к свету жизни и добра.

В это время к нам на неоседланной лошади подскакал дед Гунько, который объезжал табун лошадей.

—Ну что, хлопчики, не заснули? А то я чую, вдруг тишина такая наступила. Может, думаю, картошку сожгли или заснули?

Картошку! Мы все про нее забыли. Переглянувшись, мы стали лихорадочно доставать ее из костра. К счастью, мы спохватились вовремя. Каждый хватал горячую картошину голыми руками и, перекатывая в ладонях, дул изо всех сил. Дед достал из торбы белую тряпицу, в которую был завернут кусок сала, порезал его толстыми ломтями. Затем разломал каравай хлеба и дал каждому по куску, положив рядом по хвосту зеленого лука. Какая это была вкусная еда! В мгновение ока все это оказалось у нас в желудках. Насытившись, мы напились ключевой воды и, выставив дежурного, улеглись спать.

Несмотря на ночные шорохи, мы спали крепким детским сном почти без сновидений. А дед, ухмыляясь, курил свою люльку и предавался думам при ярком лунном свете. Утром, выпив крепкого чаю, мы гнали лошадей к речке на водопой, а затем мыли их, крепко протирая лошадиный круп туго свернутой тряпкой. Лошади игриво пофыркивали и согласно кивали головами, как бы одобряя наши действия. Затем все вместе мы чинно возвращались домой, встречая рассвет и любуясь просыпающейся природой. А она давала нам все. Мои наставники учили меня любить ее, черпая из природных источников недюжинную силу, вдохновение, здоровье и необычные способности, благодаря которым мы получали уникальные, неограниченные возможности. Главное, надо было научиться сливаться с природой, ощутить себя ее неотъемлемой частью, и тогда перед тобой открывалась та заветная дверь, которая давала возможность увидеть не только прошлое, но и будущее, череду тех грядущих событий, в которых тебе придется участвовать. Это было так необычно и захватывающе, что я с нетерпением ожидал этих занятий. Это была целая наука, которой обучали только избранных. Мы рано утром уходили в поле, подальше от людской суеты и садились на землю, поджав ноги, лицом к восходу солнца, положив руки на колени. Затем надо было постепенно отключить свои чувства и уйти в себя, одновременно давая возможность своему внутреннему «я» выйти наружу и слиться с природой. Научиться этому в одиночку почти невозможно. Только благодаря моим дедам у меня шаг за шагом стало получаться. Они устраивали меня посередине и подпитывали своей силой, тактично направляя в нужную сторону, не давая возможности сбиться с намеченного пути, показывая в решающий момент, как необходимо держать руки, складывая пальцы определенным образом, как включать внутреннее зрение и слух, которые давали возможность видеть и слышать за многие версты вокруг. Когда у меня произошло это в первый раз, я чуть вообще не улетел в пространство. Спасибо моим учителям, которые вовремя остановили мой полет. А меня раширало от восторга при виде необычных ярких картин, написанных сочными красками относительно будущих событий, набросанных отдельными штрихами, и череды новых лиц, с которыми мне предстояло встретиться в будущем. Позднее я научился из всего этого выбирать нужные мне события и более детально рассматривать их. От меня добивались совершенства в этом деле и умения быстро входить в нужное состояние. Это привело к тому, что при желании я мог предугадать, что будет делать человек в том или ином случае, или мог прочесть его мысли. Сначала это меня увлекало, однако постепенно я понял, что в этом нет ничего хорошего, и стал пользоваться этим умением в очень редких случаях. Кроме этого дед Опанас был специалистом по драке без использования кулаков. Он мог только при помощи мысли ударить противника так, что тот замертво падал на землю. У него это получалось очень легко и просто. В шутку он и меня шлепал по мягкому месту, находясь на значительном расстоянии. Первое время это меня приводило в недоумение, но потом я привык к его поощряющим подзатыльникам, которые сразу возвращали мне трезвость мысли. Осваивать этот кулачный бой было очень тяжело. Главное заключалось в том, что нужно было привести себя в такое внутреннее состояние, которое наливало твои мышцы необъятной силой, выстреливающей затем по тво-

ему желанию туда, куда ты считал необходимым. Начинали мы с малого. Сначала я научился на расстоянии гасить огонек свечи, затем ломать пополам прутья, ну а потом и наносить удары. Помню, первый раз я попробовал сделать это на спор с Ванькой, и у меня ничего не получилось. Он стал смеяться надо мною, что заставило меня разозлиться и сконцентрироваться. Удар, который он получил, заставил Ваньку кувыркаться по земле, а затем под глазом у него стал проступать большой синяк. Он заревел и побежал домой жаловаться, а я за свои способности получил нагоняй и от родителей, и от деда Опанаса, который запретил мне использовать эти приемы при драках.

Рядом с нашим маетком находилось имение пана Осторыжского. Члены его семьи не сильно общались с соседями, но несколько раз мне приходилось бывать у них в гостях. Там я общался в основном с младшей дочерью этого польского шляхтича, Басей. Она была моего возраста, и, естественно, мы находили общий язык, правда, не сразу. Увидев ее первый раз, я оторопел от того внутреннего обаяния, которое исходило от нее. А если к этому добавить белокурые локоны и большие, чуть раскосые голубые глаза, которые лукаво поблескивали из-под длинных ресниц, и ангельский тихий голосок, то ты становился сразу в длинную очередь ее обожателей, которые постоянно крутились в этом имении. В детском возрасте мы с ней уже встречались, когда мои родители были приглашены на день рождения пана Стаса как соседи, но особого впечатления она на меня не произвела. Ну, девчонка как девчонка, сколько вон их бегают вокруг и какой от них прок – ни в войну поиграть, ни в речке искупаться. Ну а теперь совсем другое дело. Второй раз мы познакомились с ней совершенно случайно. Я с детворой плескался возле речки, а недалеко от нее паслось стадо коров под присмотром быка-задиры Грюка. Прозвали его так за то, что он ходил и все время фыркал ноздрями, тем самым проявляя неудовольствие. Усмирить его мог только пастух Стецько, которого бык слушался беспрекословно. Он хватал разъяренного быка за железное кольцо, которое было продето сквозь ноздри, и валил его на землю, заставляя успокоиться. Боль приводила быка в чувство, и он на глазах становился смиренным. И вот однажды, в самый разгар буйства этого чудовища нарисовалась Бася со своей матроной. Девушка вышла прогуляться к речке. На ней было летнее белое платье, а от палящего солнца ее нежную кожу прикрывал красный зонтик, который она постоянно подкручивала. Получался своеобразный калейдоскоп, который переливался то белым, то красным цветом до ряби в глазах. Увидев это «безобразие», бык сначала остолбенел, затем стал копать передними копытами землю, а затем, дико взревев, бросился на Басю, роняя белую пену с разъяренной морды. При виде такой картины все остолбенели от неожиданности, а девочка, вне себя от страха, ринулась в мою сторону. Казалось, еще мгновение – и бык затопчет ее.

–Эх, пистоль бы сейчас, – мелькнуло в моей голове.

И эта мысль толкнула меня к действию. Я вспомнил, что всегда, на всякий случай, носил с собой свинцовую пулю. В один момент, в какие-то доли секунды я выхватил из одежды пращу, вложил в нее снаряд и буквально за сантиметры от возможной трагедии послал его в быка. Пуля, просвистев мимо Баси, попала Грюку прямо в центр его могучей головы. От удара он остановился, замер на мгновение, а затем с хрипом повалился на землю. Я этого не видел, потому что держал в своих объятиях девушку, которая, добежав до меня, упала в обморок. Вскоре ко мне подбежала запыхавшаяся матрона. Вдвоем мы отнесли Басю в холодок и при помощи воды привели в чувство. Встав, она холодно кивнула мне в знак благодарности и вместе с матроной гордо удалилась. Я подошел к лежащему быку. Он хрипло дышал и подергивал ногами. Возле него хлопотал Стецько, плача и ругаясь на чем свет стоит. Подобрвав валявшуюся рядом пулю, я пошел к ребятам, тихо стоявшим кучкой у реки. Предложив им искупаться, я сразу ринулся в речку, чтобы холодной водой снять с себя напряжение, которое почему-то сразу навалилось на меня после ухода девчонки. Этот случай протянул какую-то незримую нить между нами, которая с каждой последующей встречей постепенно укреплялась. Это заставило меня выучить польский язык, чтобы на равных общаться с Басей.

За свой поступок я снискал огромное уважение своих сверстников. Теперь, когда складывалась какая-то сложная ситуация, они инстинктивно сбивались в стайку позади меня, рассчитывая на защиту. Однако «шалить» мне с ними приходилось все реже и реже. По мере взросления соответственно усложнялась и моя учеба. Так, например, меня учили быстро бегать, держась за стремя мчавшегося коня, а затем, не касаясь стремян, запрыгивать ему на спину. Сложным было и упражнение, когда я должен был скакать галопом на неоседланной лошади, без уздечки, держась только за ее развивающуюся по ветру гриву. А стрельба из лука на летящей во весь опор лошади! А прыжки с её спины на землю таким образом, чтобы, перекувырнувшись через голову, моментально быть готовым к боевым действиям. Я уже не говорю о стрельбе из пищали, когда отрабатывалась не только меткость выстрела, но и скорость зарядки ее порохом, свинцовой пулей и пыжом. Узкий приклад ружья после выстрела так сильно отдавал в плечо, что оно постоянно имело темный оттенок, пока я не научился гасить силу отдачи, приспособившись стрелять и левой и правой рукой.

Но настоящие мучения для меня начались тогда, когда мы стали осваивать военную науку пластуна. Это был такой отряд воинов среди казаков, которые воевали в плавнях. А что такое плавни? Это огромная полоса камышей вдоль реки, по которым в казацкие селения пробирался тихонько враг и совершал опустошительные набеги. И задачей пластунских отрядов было выслеживание вражеских лазутчиков и их уничтожение. Этих казаков можно было сразу отличить по внешнему виду. Задубевший от солнца и воды темный цвет лица, одежда, вся в заплатках, и чиненные сапоги. Они целые дни и ночи сидели в плавнях по колено в воде и, прислушиваясь, пытались определить, по какому маршруту движется враг. Отсюда и соответствующая одежда, и внешний вид. Камыш ведь такой острый, что режет не только одежду, но и тело не хуже острой сабли. Это предопределяло и специфические военные приемы, которые выработали они в постоянной борьбе за жизнь. Для укрепления мышц ног меня учили скакать сначала на твердой земле. Давали в руки веревку, и я прыгал через нее сразу двумя ногами, и чем выше, тем лучше. Затем меня заставили прыгать на вязанках хвороста для того, чтобы я научился выдерживать равновесие и ощутить ступнями, что находится подо мной. После этого я долго прыгал на копне сена. Задача заключалась в том, чтобы, отталкиваясь от мягкой основы, прыгать так же высоко, как и на земле. Следующий этап – прыжки из грязи. У нас было такое место возле родника, куда стекала вода и где стояла небольшая грязная лужа, которая затягивала тебя по щиколотку. Так вот, попробуй вылезти оттуда! А надо было не просто вылезти, а выпрыгнуть. И пришлось мне подстраивать свой организм под эту задачу, расслаблять тело так, чтобы оно как можно меньше просело в грязь, и концентрировать энергию не на кончиках пальцев, а на ступнях, чтобы полностью оттолкнуться ими, используя для этой цели даже самую маленькую травинку, которая попадалась там.

После того, как я освоил эту науку, меня повезли тренироваться в плавни. Когда мы подъехали к ним, я замер от представшей передо мною картины. Насколько охватывал взор, повсюду были камыши выше человеческого роста. За ними вдалеке блестела чистая вода, до которой еще надо было добраться. Спешившись и привязав лошадей, мы вошли в этот шелестящий от ветра лес. Если мои наставники делали это легко, то мне приходилось с треском продирается за ними. Камыш так и норовил не только зацепить, но и резануть меня. Хорошо, что на мне была одежда, которая полностью закрывала руки, а то бы я не смог избежать порезов. Наконец, деды остановились, и дед Микола, повернув голову ко мне, предложил:

– Остановись, отдышись и послушай.

Я выполнил его указание и, успокоив дыхание, прислушался к окружающей обстановке. Кругом стоял шелест колеблющегося от ветра камыша. Казалось, он вел неторопливую беседу, раскачиваясь из стороны в сторону и цепляясь друг за друга.

– Ну и что ты услышал?

– А ничего, какой-то шелест камыша и больше ничего.

–А что ты увидел?

–Ничего кроме камыша, дед Микола.

– А ты хорошо посмотри!

–Да я смотрю, но кроме камыша ничего не вижу.

–Вот это и плохо, – сердито произнес дед Микола. – А как тебя учили смотреть? Давай вспоминай.

И пришлось мне вспоминать всю пройденную науку, прыгая сразу из мокрой жижи, стараясь мгновенно оценивать обстановку вокруг. Легче было смотреть, когда солнце светило сзади. Но когда оно било своими лучами прямо тебе в глаза, было очень трудно разглядеть, что же там происходит вдали. Постепенно я научился слушать тишину, понимать разговор камыша, слышать, как дикий кабан осторожно идет на водопой и как птицы подсказывают тебе, с какой стороны на тебя что-то движется или пытается подкрасться сзади. Практика была достаточно серьезной. Дед Панас, затаившись в камышах, направлялся беззвучно в мою сторону с целью нападения, а я, спрятавшись в камышовой глуши, пытался беззвучно выпрыгивать вверх, чтобы определить его место нахождения в данный момент и отразить возможное нападение или напасть самому. После таких ежедневных упражнений мое лицо приобрело красный оттенок, а ноги наливались чугуном в постоянно мокрых сапогах. В итоге, когда я неожиданно вырос из камышей за спиной деда Панаса и застал его врасплох, мои наставники посчитали, что я сдал экзамен и теперь могу сам гулять по камышам и плавням без сопровождения, так как уже научился не только защищаться, но и нападать, а кроме этого находить пищу в совершенно мокрой среде. То была особая наука, и я благодарен моим учителям за то, что они преподали мне ее в полном объеме. Позднее эти умения не раз выручали меня.

В перерывах, когда мы просыхали от водных ванн на теплом солнце, меня учили делать охранные сигналы при помощи камыша. К примеру, ночью в степи казак решил заночевать. Выбрал место на возвышенности, сварил кулеш и лег прикорнуть возле коня, держа уздечку в руке. А тут какой-нибудь басурман, увидев казака, решил его пограбить и стал тихонько ползти к нему, чтобы сходу напасть. Как казаку учуять этого харцызяку и достойно встретить? Вот тут на помощь и приходят охранные сигналы из камыша, благо его полно везде. Надо нарезать небольшие куски уже созревшего камыша, который может петь на ветру, высушить их на солнце, затем поносить за пазухой, чтобы они пропитались твоим духом. После этого один конец куска, который остался ровным, замазываешь воском, даешь хорошо ему закрепиться, потом поворачиваешь к себе другим концом, который срезан наискось, берешь в рот кусок камышового листа и, направив его в этот пустой конец, дуешь так, чтобы получился как можно более громкий крик какой-нибудь птицы, при этом свое дыхание тоже направляешь в это же отверстие. После всего этого его быстро замазываешь воском. Все – сторож готов. Перед тем, как ложиться спать, разбрасываешь эти камышинки так, чтобы враг, который задумает ползти на тебя, обязательно задел хотя бы одну из них. В результате этого камыш трескается, и из него вырывается тот звук, который ты вложил туда. А у тебя остается время, чтобы подготовиться к достойной встрече с врагом.

Ох, и сложной оказалась эта казацкая наука! Порой мозги переворачивались вверх тормашками. Ну, к слову, как сделать так, чтобы в чистом поле тебя никто не заметил, даже проехав рядом? Когда мы подошли к этому упражнению, я отказывался верить, что такое возможно. В чистом поле, где не было ни одного деревца, сидел на земле дед Панас и заставлял меня отвернуться. Затем по команде деда Миколы я поворачивался обратно, и там, где только что был мой учитель, стояло достаточно зеленое дерево, отбрасывавшее свою тень на землю. Я удивленно оббегал его вокруг, ища деда Панаса, но его и след простыл. Дед Микола только хмыкал в усы. Затем, словно по мановению волшебной палочки, дед Панас снова появлялся на том же месте. А весь секрет, как я понял, заключался во взгляде и внушении, которое я испытывал, находясь в поле внимания деда Опанаса. Эта наука оказалась более сложной, так как она

требовала напряжения уже не физического, а совершенно другого уровня. Кроме этого мои деды не поддавались подобному внушению, чему впоследствии обучили и меня. Поэтому пришлось практиковать на моих друзьях и односельчанах, при этом делая так, чтобы они ничего не заподозрили. Скажу сразу, что это у меня получилось только через месяцы упорных тренировок. Я постоянно ходил по селу и заглядывал прохожим в глаза, стараясь поймать их взгляд и затем вести его в нужную мне сторону. Некоторые порой даже стали возмущаться. Но как только я освоил этот прием, то все забыли о происходящем. В чистом поле это выглядело так. Ты втыкал в землю древко копья и прятался за ним. Когда подъезжали всадники и попадали в поле твоего зрения, то ты слал им мысль о том, что они проезжают мимо дерева или роши. Именно проезжают, и ни в коем случае не заезжают туда. Затем ты ловил взгляд ближайшего всадника и уже взглядом рисовал ему рощу, потом то же самое внушал и второму, строя своеобразную цепочку. Те, которые первыми поддались силе моего внушения, уже мысленно передавали свое видение остальным под моим неусыпным контролем, причем всё надо было делать, расслабившись, без всякого напряжения. Так постепенно я осваивал эту сложную науку. Раз в месяц, рано утром в субботу, мы все вместе ходили в дубовую рощу. Там меня ставили между двух огромных дубов и учили впитывать их силу, расслабившись и закрыв глаза. Порой меня начинало там крутить так, что я еле мог устоять на ногах. Деды объясняли, что между этими двумя деревьями находится дверь в другой мир, питающий нас той силой и энергией, которую может воспринять не каждый человек. И действительно, после такого стояния в течение двух часов у меня был огромный прилив бодрости, которого хватало на целый месяц. Последний этап моего становления, как утверждали деды, будет заключаться в том, чтобы я научился говорить со всем миром. Но это надо делать одному. И вот когда мы поедем на Запорожскую Сечь, то там, на думной скале, они обещали научить меня этому. Священное место, как они говорили, открывается не всякому, а только избранным. Сама скала находится на горных кручах Днепра. И, забравшись туда, казак молча начинает вбирать в себя и шум днепровской воды, мощным потоком льющейся вниз, и солнечный ветер, обдувающий его со всех сторон, и хрустальный воздух, настоящий на ароматах степных трав, и ту силу, которая идет от земли. Мне, конечно, было интересно, как это все происходит, но, видно, мое время еще не пришло, и я продолжал осваивать простую казацкую военную грамоту.

Что касается моего общего образования, то и здесь были неплохие успехи. Я щелкал задачи по математике как семечки, читал все, что можно было достать в нашей глуши, а стихи на латинском языке я приспособился читать моим друзьям, которые в этом ничего не понимали, но, на удивление, по выражению моего лица догадывались об общем смысле произнесенного мною. Басю я видел за все это время только три раза, да и то издалека. При этом один раз на прогулке, когда мы с моим Гнедком носились по полям и дубравам. Но поговорить с ней не удалось, так как она совершала променад с каким – то разодетым в пух и прах польским шляхтичем, сзади которого маячило трое слуг. Она холодно скользнула по мне взглядом и проехала мимо, даже не кивнув головой. Естественно, это меня обидело и раззадорило.

–Подумаешь! – подумал я. – Захочу, и она все равно будет моей.

Резко сжав бока коня ногами, я промчался дальше, обдав их облаком пыли.

Короче говоря, к моему совершеннолетию я знал и умел больше, чем многие опытные казаки, старшие меня по возрасту. Поэтому отец вполне резонно рассудил, что на данном этапе мне достаточно казацкой науки и надо мне усовершенствовать вторую часть моих знаний, касающихся учебных дисциплин, которые я осваивал домашними методами. А посему он вознамерился отдать меня на один год во Львов, в иезуитский коллегийум на философский факультет. Однако туда не принимали православных христиан. Скрепя сердце отцу пришлось поехать во Львов к моему деду, и тот, удовлетворенный моими успехами, о которых рассказал отец, нажал на необходимые рычаги и мне разрешили поступить туда. Это была их первая встреча, после того как он женился на матери. Отец вернулся из этой поездки очень довольный и сооб-

щил мне, что при случае дед хотел бы видеть меня. Но особенно беспокоилась обо мне моя бабушка, которая передала мне сладости, среди которых был горький шоколад. Сначала он мне не понравился, но, распробовав его получше, я был восхищен его вкусом.

Перед тем как отправить меня во Львов отец решил укрепить мой казачий дух. Собравшись по-походному, мы вскочили на лошадей и галопом помчались в район Субботов. К вечеру мы были уже там. Заночевав у отцова приятеля, мы рано утром, до восхода солнца, поскакали в Холодный Яр, где находился волшебный колодец. Но прежде чем ехать к нему, отец завез меня к трем ключам. Это было особое место, где одновременно из-под земли били три источника разной по составу воды. Именно здесь, как рассказывал отец, казаки заживляли раны буквально за неделю, обливаясь целебной водой и употребляя её. Пробираясь по еле заметной тропинке, мы вскоре достигли нужного нам места. Источники находились в низине и пополняли своими водами ручей, который уносил их в речку. Перед нами была небольшая площадка, выложенная диким камнем. Вода весело журчала, поливая землю, смешиваясь с землей и создавая тем самым лечебную грязь. Ею запорожцы обмазывали раны, останавливая тем самым кровь, а затем смывали водой, добываясь заживления с помощью солнечного света. Когда я, соскочив с лошади, подошел к источникам, то сразу обратил внимание на то, что у каждого из них была своя музыка. То есть каждый источник журчал по-своему, создавая неповторимый музыкальный ритм, который благотворно влиял на тело.

Следом за мной спустился отец. Он подошел к источникам, налил воды из каждого в серебряную кружку, перекрестился и с наслаждением выпил. Я протянул руку, чтобы тоже утолить жажду, однако отец отвел ее в сторону.

–Погоди, сынку, время твое еще не пришло. Потерпи немного.

Затем он посмотрел на солнце, которое должно было вот-вот вырваться на простор из-за горизонта, и пошел к лошадям. Покопавшись в торбе, он принес и положил рядом с собой полотенце, расшитое петухами и еще каким-то узором, одежду и ведро, сделанное из бараньего бурдюка.

–Еще раз глянув на горизонт, отец приказал мне снять верхнюю одежду. И пока я раздевался, он набрал полный бурдюк воды из первого источника. Я понял, что сейчас мне придется принимать ледяную купель.

–Ну, что, сынку, готов?– спросил отец.

–Готов, батя, – ответил я, стараясь покрепче упереться в землю.

И когда первые лучи солнца осветили Холодный Яр, на меня обрушился поток ледяной воды, который потряс меня до основания. Отец, поливая меня, непрерывно читал молитву. За первым водяным ударом последовал второй, который, казалось, полностью заморозил мой организм, поэтому третий я воспринял более спокойно, и мне даже показалось, что внутри меня созревает тепло, которое готово разлиться по всему телу и наполнить его живительным соком. Так оно и произошло, когда отец стал растирать меня полотенцем. Затем, заставив меня переодеться, он по очереди набрал в кружку воды из каждого источника и дал мне выпить. Когда я проглотил последние капли, то почувствовал, что мой организм словно омолодился. Тело стало упругим, хотелось прыгать и петь во весь голос. И я попытался было эти чувства реализовать, но отец развернул меня к себе и трижды перекрестил.

– Ну, теперь ты почти казак, прошел крещение у святых для каждого казака ключей. Первый источник – это живительная вода, второй – мертвая, а третий – живая вода. И каждый, приходя сюда, пользуется этой водой так, как ему надо. Все зависит от цели, которую ставит перед собой казак. Теперь пойдешь вон к тому дубу, обними его и попроси у него здоровья и силы, которые скоро понадобятся тебе, потому что время сейчас очень непростое.

И он показал мне большой дуб, который виднелся на пригорке среди деревьев, окружавших источники. Когда я подошел к нему, то дуб оказался не просто большим, он был огромным, величаво стоящим на небольшой поляне. Четыре человека не смогли бы охватить необъ-

ятный ствол. Его могучие ветки, раскинувшиеся по бокам, казалось, могли спрятать в своей тени целый курень. Я осторожно подошел к нему, раскинул руки и обнял, уткнувшись лицом в шершавый ствол. Замерев, я попытался слиться с ним, чтобы почувствовать ту силу, которой он обладает. И через время мне удалось ощутить, что он отозвался на мои просьбы, даря мне не только силу, но и уверенность в завтрашнем дне. Получалось, что мы нашли общий язык, и я готов был стоять до бесконечности, беседуя о вечном, но голос отца вывел меня из этого состояния. С трудом оторвавшись от дуба, я низко поклонился ему и отправился в сторону отца. Он внимательно посмотрел на меня, очевидно, почувствовав мое состояние.

– Ну что, сынку, а теперь поехали к святому колодцу, дабы испить серебряной водицы. Об этом колодце много ходит сказок, но факт один: эта вода излечивает все хвори и поднимает людей на ноги.

И пока мы ехали, он рассказывал мне истории о людях, которые нашли здесь свое спасение.

Колодец находился в небольшой низине в окружении деревьев, которые прикрывали его своей тенью. Он представлял собой дубовый сруб, над которым парил деревянный журавель с ведром. Рядом чинно вдоль колодца висели выдолбленные деревянные ковши разных размеров. Вокруг царил тишина, прерываемая пением птиц, которые порхали хоромом в разные стороны и пытались испить водицы. Спешившись, мы привязали лошадей и подошли к колодцу. Здесь отец опустился на колени и снял шапку. Я последовал его примеру. Помолчав немного, отец перекрестился и начал просить у Всевышнего отпустить нам грехи и помочь его младшему сыну, вступающему на самостоятельный путь, дать ему силы, здоровья и упорства в достижении поставленных перед ним целей, крепости веры и духа. После этого он привел в движение журавель, который, наклонив свою голову, нырнул в колодец и поднял на поверхность ведро волшебной водицы. Она искрилась на солнце, дробясь серебряными каплями, которые, собираясь в струйки, медленно стекали на землю. Отец взял ковш средних размеров и подал его мне.

– Ну, сынку, зачерпни воды и проси у Всевышнего благословения и помощи на том пути, который тебе предстоит пройти.

Я последовал его совету и одним махом выпил весь ковш холодной и очень вкусной воды. Я почувствовал, что меня словно окунули в прорубь в лютый мороз: свело не только челюсти, но и все тело. Однако через несколько мгновений по телу разлилось такое сильное тепло, что у меня даже заалели щеки.

– Ну, вот и добре, сынку, – сказал отец, наблюдавший за мной. – Теперь ты настоящий казак. Треба еще понюхать пороху, но на твой век, я думаю, этого «добра» хватит.

И он, следуя моему примеру, одним махом выпил такой же ковш, глухо крикнув в конце.

Перекрестившись и поблагодарив за оказанную нам милость, мы, вскочив на коней, двинулись в обратный путь. А он лежал прямо во Львов, где мне была уготована участь обыкновенного бурсака.

Глава II

Чем ближе к городу, тем чаще стали нам попадаться груженные возы и разодетая польская шляхта, в каретах или верхом, в сопровождении целой свиты слуг или прихлебателей, которые находились на пропитании у знатного шляхтича. Они летели, не разбирая дороги, заставляя сворачивать в сторону груженные телеги, периодически демонстрируя окружающим свой гонор. Простой люд только плевался им вслед, тихо матерясь и отряхивая въедливую дорожную пыль, поднятую этими горе-всадниками.

Город поразил меня обилием костелов и каменных домов. Окна, выходящие на улицу, были из настоящего стекла. Однако это обилие окон было не настоящим. Большая часть из них была нарисована прямо на стене. Оказалось, что за каждое настоящее окно муниципалитет брал большие налоги. В категорию дорогих попадали также и редкие балконы, которые

виднелись кое-где на вторых этажах зданий. Оказывается, по распоряжению городских властей они облагались еще большим налогом, так как располагались на воздушном столбе, который своим основанием упирался в муниципальную землю. Решили, что за такое «удобство» нужно было вносить соответствующую плату. Так как дело было к вечеру, то мы поехали сразу на постоянный двор, чтобы уже с утра заняться учебными делами. Определив лошадей, мы сели поесть перед сном. Для этого здесь на первом этаже была организована специальная трапезная, где могли подкрепиться уставшие путники. Попав вовнутрь, я словно завис в непроницаемом тумане. Его постоянно производили несколько десятков посетителей, которые, разговаривая между собой и смачно ругаясь на разных языках и диалектах, успевали курить длинные и короткие глиняные трубки, усердно пуская клубы дыма к потолку. Горевшие по бокам лучины не могли пробиться со своим светом к этой галдящей людской массе и скромно потрескивали на подставках. Мой здоровый организм протестовал против такого насилия, однако делать было нечего, и я удрученно поплелся за отцом, который нашел местечко для нас в углу одного из столов. Усадив меня за него, отец отлучился на минутку и вскоре перед моими глазами возник мальчишка, ловкими движениями расставивший перед нами две доски, на которых было по куску хлеба, соседствующего рядом с жареным мясом. Позднее к ним присоединился глиняный кувшин с узваром и две кружки. Отец вытащил из кармана белую тряпицу и осторожно развернул ее. Это оказалась соль, которая ценилась на вес золота. Посолив мясо, он своим ножом отрезал кусок и отправил его в рот, хитро подмигнув мне. Я последовал его примеру. Мясо оказалось жестким и недожаренным, а хлеб скрипел на зубах, заставляя вспоминать недобрый словом мельника, который молот муку необработанными жерновами. Из всего этого изобилия единственным съедобным блюдом оказался узвар, который в основном и стал моей трапезой. Расплатившись, мы по деревянной лестнице поднялись наверх, в комнату, которую снял мой отец. Она была небольших размеров и не отличалась особым шиком. На полу лежали два тюфяка, набитые соломой и накрытые рядом, а в углу стоял небольшой стол с кувшином для воды. Кроме этого под окном кокетливо примостилась ночная ваза, как столь необходимый атрибут постояльца. Сняв свою амуницию, мы аккуратно сложили ее возле себя. Затем отец достал из торбы пучок пахучей травы и протянул мне.

–Зачем? – удивился я.

– Натри все свое тело, и тогда блохи не будут тебя кусать. Если не сделать этого, то, когда проснешься, не узнаешь себя, а нам еще надо в нормальном виде идти в коллегium. Так что давай, действуй.

Пришлось подчиниться, и я стал усердно тереть себя. Отец делал то же самое. Окончив эту интересную процедуру, я стал пахнуть разнотравьем, где подорожник переплетался с запахом мяты и полыни. Задув чадающую лучину, мы улеглись спать. Ночь вроде прошла спокойно, но наутро я обнаружил у себя с десятков укусов, которые красными пятнами красовались на теле. При этом они очень сильно чесались.

– Ничего, – сказал отец. – Это чепуха по сравнению с тем, что могло быть. Эта живность есть везде – и в доме богатых, и в доме бедных. Нет ее только на свежем воздухе. А в городе она везде. Поэтому если ты будешь в гостях в знатных домах, то не удивляйся тому, когда твои собеседники начнут чесаться, особенно дамы. Это естественный процесс, для которого они будут применять специальные палочки, а пойманных блох будут сажать в специальные блохоловки. Поэтому если ты увидишь, как по кокетливой женской прическе ползут блохи, то не подавай виду, что ты их видишь, и не пытайся их поймать, это считается неприличным. Хозяйка сама знает, что нужно делать. Ведь ее парик сделан на вечные времена, сбрызгивается квасом и никогда не расчесывается. Поэтому эти насекомые чувствуют себя там как дома. Чтобы тебе было комфортно в этом обществе, я рекомендую привыкнуть к мысли о существовании рядом с тобой такой живности и хотя бы раз в неделю мыться горячей водой с глиной.

Здесь это не принято. Это считается грехом, поэтому здесь нет таких мест, где можно дать телу отдохнуть. Делай это сам, чтобы никто не видел.

Я был удивлен этими новостями, которые лились на меня как из рога изобилия. Неужели правда то, что мне говорит отец?

Утром, одевшись, мы без оружия прошли через затхлую трапезную и вышли на свежий воздух. Проклюнувшееся солнце лениво играло куполами костелов и вспыхивало драгоценными окнами домов, брезгливо проходя мимо их фальшивых картинок, нарисованных на стенах. Проснувшийся народ тихо проходил мимо, неся на своем лице печать вновь навалившихся неотложных дел. На них молча, а иногда с громким предупреждением из раскрывающихся окон выливалось содержимое, скопившееся за ночь в ночных вазах. Все это делало походку прохожих неуверенной, и они, шествуя мимо домов, все чаще вскидывали свой взор вверх, дабы обезопасить себя от возможных неожиданностей. Те, которых не миновала сия чаша, громко ругались, выкрикивая всевозможные проклятия в адрес хозяев, посмеявших «осчастливить» их содержимым своего ночного горшка. Все это стекало по мостовой в сточные канавы, выбрасывая в воздух соответствующий аромат.

Мы благополучно миновали эту территорию и вышли на центральную часть города, где приятно дышалось свежим воздухом. Здесь на нас сразу нахлынула толпа людей, одетая в черные рясы. Это были монахи – иезуиты, которые двигались по своим церковным делам из многочисленных костелов, расположенных вокруг. Повсюду слышалась польская речь и латынь. Мелькали подбритые головы и капюшоны, надвинутые на глаза, скрывающие лица спешащих святош. Пристроившись к одному из таких потоков, мы достаточно быстро достигли нужного нам учебного заведения. Оно представляло собой двухэтажное каменное здание с многочисленными окнами, расположенное между двух костелов. Оставив меня у входа среди крутящейся здесь молодежи, отец решительно направился в здание. Поднявшись на второй этаж, он вошел в кабинет ректора, который, углубившись в чтение какой-то бумаги, водил по ней гусиным пером, стараясь, очевидно, понять смысл написанного. Услышав звук решительных шагов, он отложил перо и вопросительно поднял глаза на вошедшего. Минуты две длилась немая сцена узнавания, затем он расплылся в улыбке и произнес глухим голосом:

–А, пан полковник! К сожалению, не могу ничем вас обрадовать. Коллегия считает, что у вашего сына нет достаточной подготовки для обучения в нашем коллегиуме, и поэтому мы вынуждены отклонить ваше ходатайство. Да и к тому же он придерживается совсем другого вероисповедания, и поэтому ему сложно будет учиться у нас.

–Ну, это с самого начала было все понятно, – ответил отец. – А как вы отнесетесь к этим ходатайствам? – и он положил перед ректором два письма, которые организовал мой дед, привлекая к решению моей проблемы достаточно влиятельных людей.

Ректор взял письма и стал их читать. По мере того, как он тихо, про себя озвучивал фамилии подписавшихся, глаза его лезли на лоб. Прочитав последнюю бумагу, он со вздохом отложил ее в сторону и задумчиво заметил:

–Это, конечно, меняет дело, однако я должен буду назначить комиссию, чтобы проверить знания вашего отпрыска. Боюсь, он не выдержит этого экзамена, так как домашнее образование значительно отстает от настоящих знаний.

–Я понимаю сложность ситуации, в которую попали вы, – ответил отец. – Тем не менее, независимо от дальнейших действий я готов внести скромный взнос на развитие вашего коллегиума.

С этими словами отец достал из-за пояса увесистый кошелек из красного бархата и положил его перед ректором. Тот, несколько не удивившись, мгновенным движением смел его в ящик письменного стола и, немного расслабившись, уже более дружественным голосом заявил:

– Я думаю, что совместными усилиями нам удастся решить эту проблему. Я жду вас завтра к девяти утра. Откланявшись, отец спустился ко мне и вкратце рассказал о встрече.

Посоветовавшись, мы решили пройтись по городу, чтобы определить, где можно недорого снять будущему студенту угол для проживания, а вечер посвятить подготовке к завтрашним экзаменам. Угол мы нашли достаточно быстро, помог нам в этом студент коллегима, к которому мы обратились с конкретным вопросом. Он отвел нас в дом, в котором проживал сам и еще двое студентов. Один из них не так давно уехал, и его место было свободным. Отец справедливо посчитал, что лучше не может быть, так как мне будет легче жить со своими и я смогу быстрее привыкнуть к новой для меня ситуации, опираясь на их опыт. Жильем оказалась небольшая комнатка без окон, где на полу разместились два соломенных тюфяка, а в углу стоял большой сундук, который по совместительству должен был стать моим спальным местом. Отец быстро договорился об оплате с хозяйкой, пожилой измученной женщиной, и мы отправились дальше, осматривая Львов. В городе повсюду бойко шла торговля, в центре по каменным тротуарам гордо фланировала бедная шляхта, подкручивая усы и подмигивая молоденьким девушкам. По мостовой, громко считая брусчатку, проезжали кареты богатых горожан и польской знати, в окнах которых изредка мелькали миловидные женские лица, рассеянным взглядом рассматривавшие городскую суету. Из густо разбросанных кавярен несся тягучий аромат свежесваренного кофе и крепкого табака. Когда запах кофе стал особенно «невыносим», мы, не сговариваясь, свернули в одну из ближайших кавярен, попавшуюся на пути. Спустившись по каменным ступенькам вниз, мы попали в оазис непередаваемого запаха кофе и турецкого душистого табака. Столы для посетителей, казалось, плавали в клубах этого дыма, который не влиял на уютно устроившихся за ними курильщиков, с громким шумом прихлебывающих из своих чашек этот божественный нектар. Нас быстро пристроили на освободившиеся места, и отец заказал кофе и трубку табака. Расторопный мальчишка довольно быстро принес нам заказ. На столе появились две чашки с горячим напитком, небольшая макитра с медом и глиняная трубка с длинным чубуком.

–Ну, сынку, – сказал отец, раскуривая трубку, – попробуй этот заморский напиток, который сейчас модно пить в богатых домах и от которого порой сводит живот.

Запах кофе щекотал ноздри, забираясь глубоко вовнутрь и вызывая сильное желание выпить все сразу. Сдержав себя от первого порыва, я оглянулся по сторонам и увидел, что все пьют из кружки не торопясь, маленькими глотками. «Очевидно, так принято», – подумал я и поднес чашку ко рту, предвкушая восхитительную встречу с чем-то новым, неизвестным мне вкусом. Зажмурив глаза и подув в чашку, я сделал первый глоток и сразу пришел в смятение. Мало того, что жидкость была горячее, она еще была и горькой, как красный жгучий перец. На моих глазах выступили слезы, а горло перехватил спазм. Отец, лукаво улыбаясь, наблюдал за мной, покуривая свою трубку.

–Ничего, сынок, привыкай к напитку знати, сделай еще пару глотков, чтобы по-настоящему почувствовать весь вкус, – сказал отец.

Подчиняясь его просьбе, я через силу сделал еще пару глотков и испытал совсем другие ощущения.

–А теперь возьми и налей немного меда в свою чашку и попробуй еще раз, – продолжал свое руководство мой родитель.

Проделав эту манипуляцию, я осторожно отпил из чашки и сразу понял, что это то, что я ожидал, приносясь к кофейному запаху. Впечатления были непередаваемые! Эдакое сочетание горечи со сладостью, сопровождаемое ароматным запахом. Осмелев, я выпил еще одну чашку и почувствовал необычайный прилив сил, хотелось смеяться и петь, прыгать и танцевать. Однако строгий взгляд отца поставил меня на место. И все же чувство легкости осталось. Расплатившись за табак и кофе, мы вышли на улицу и направились в сторону постоянного двора, купив по пути кусок копченого окорока и хлеба. Затем отец пошел по своим делам, а я весь вечер провел в комнате, готовясь к экзаменам, заедая эту нудную науку пахучим мясом и запи-

вая ключевой водой из стоящей рядом макитры. Так я и заснул с куском хлеба в руках. Пришедший поздно вечером отец тихо переложил меня на мой матрац, решив не будить до утра.

День начался с пения петуха, который почему-то принялся орать под моим окном. Скрепя сердце, мне пришлось вставать и тащиться к глиняному кувшину, чтобы умыться набранной с вечера водой. Она была не очень холодной, однако вполне достаточной, чтобы разбудить меня окончательно. Отец, давно уже вставший и бодрый, наблюдал за моими манипуляциями, едва скрывая улыбку. Когда я пришел в себя окончательно, он глазами показал на разложенный на матраце парадный костюм, который мне специально сшили для этого повода. Надев его со всеми предосторожностями, я почувствовал себя не в своей тарелке. Во-первых, я сразу приобрел шляхетский вид. Во-вторых, мне казалось, что камзол давит под руками, а сапоги скрипят и пытаются вывернуть ноги не в ту сторону. А шапка с красивой пряжкой сбоку все время пыталась сползти на нос и закрывала глаза.

– Ну, вот теперь ты гарный хлопец, – сказал отец, опоясывая меня кушаком вместо ремня. – Теперь можно идти до этих иуд – монахов. И пусть только мне попробуют что-то сделать не так, то я их сразу порубаю на куски.

И он грозно стукнул кулаком по столу. Затем, подкрутив усы, он первым вышел из комнаты. К коллегуму мы прибыли в назначенное время на возке, который поймали сразу возле постоянного двора. Стоявшие возле коллегума студенты с ухмылкой смотрели на нас, когда мы решительно входили в здание. В коридоре нас уже поджидал невысокий вертлявый монах, который сопроводил нас на второй этаж в комнату, где собрались члены комиссии. Распахнув входную дверь, он жестом пригласил меня войти. Перекрестившись и набрав полную грудь воздуха, я почти смело шагнул внутрь аудитории, где за столом уже поджидали меня экзаменаторы. Посередине сидел ректор, лицо которого было красного цвета то ли от полноты, то ли от дурного характера или от нежелания общаться со мной. Справа от него сидел другой экзаменатор явно не шляхетского рода, весь прямой как палка, который подозрительно разглядывал меня снизу доверху. А слева от председателя уютно расположился невысокий монах с незапоминающимся лицом, который в отличие от других ласково смотрел на меня, перебирая четки в руках. Но от этого ласкового взгляда становилось не по себе, так как в глубине пряталась очень холодная расчетливость. Он словно присматривался ко мне, подхожу ли я для его каких-то непонятных мне целей. Естественно, это были маститые метры. Я мог противопоставить им только свои знания и трезвый расчет. Поэтому я, крепко сжав пальцы в кулаки, встал перед ними и молча ждал дальнейших действий.

Первым нарушил молчание ректор:

– Ну что ж, сын мой, вот и пришло время выяснить, что ты из себя представляешь. Обычно мы не берем на обучение тех, кто не принадлежит к католической вере, но, учитывая твои рекомендации и происхождение, решили сделать исключение. Поэтому тебе сейчас придется очень постараться, чтобы убедить нас, что ты достоин быть студентом нашего коллегума.

И он вопросительно посмотрел на меня.

– Я готов ответить на ваши вопросы и убедить вас в этом, – ответил я, одновременно пытаюсь определить, кто наиболее вредный из экзаменаторов.

Интуиция подсказывала мне, что скорее всего тот «ласковый», как окрестил я его для себя. Положительно отреагировав на мой ответ, они начали экзаменовать меня. Сначала беседа шла на польском языке, но после того как я прочитал им стихотворение на латинском, все перешли на этот язык. Я демонстрировал им свои навыки не только в языке, но и в арифметике, риторике, пытался показать, что могу разбираться в тайнах мироздания и писать связанные тексты, дающие возможность им оценить мои умственные способности. Я извивался как уж под перекрестными вопросами, которые сыпались на меня со всех сторон. Рубашка от пота прилипла к телу и грозила там остаться навсегда. Похоже, и экзаменаторы вошли в азарт, про-

воцируя меня на вольные высказывания и заставляя на ходу сочинять вирши в честь той или иной знаменитой личности. Ректор, вспотевший от напряжения, то и дело вытирал лицо и шею большим платком, очень смешно доставая его из-под своей монашеской одежды. Я уже был на грани срыва, когда ректор, в очередной раз промокнув платком свою физиономию, сказал:

– Я думаю, достаточно, – и посмотрел на своих собеседников. Те утвердительно кивнули в ответ и сразу расслабились, буквально размякнув на стуле.

– Хорошо, сын мой, подожди пока за дверью, мы посовещаемся и пригласим тебя.

Молча поклонившись, я на ватных ногах вышел к отцу.

– Ну как? – подскочил ко мне он, приобняв за плечи.

– Не знаю, – ответил я, пожав плечами, смотря вслед пронырливому служащему, который прошмыгнул в кабинет.

– Сказали подождать, пока они там обсудят.

– Ну, ждать, так ждать, – ответил мой родитель и нервно стал подергивать свои длинные усы.

Я тоже в нервном ожидании мерял шагами коридор возле дверей, пытаюсь предугадать результат моих ответов. Однако, как я ни напрягался, ничего не получалось. Наконец дверь распахнулась, и меня пригласили войти. Остановившись перед экзаменаторами, я замер в напряжении.

– Ну что ж, сын мой, – начал ректор. – Мы тут обсуждали твои ответы и твое будущее. Должен сказать, что ты нас весьма удивил своими знаниями. По многим дисциплинам ты значительно выше наших некоторых студентов. Поэтому, посовещавшись, мы решили дать тебе возможность учиться в нашем коллегииуме, без всяких скидок, на правах студента. Профессор герр Густав Гольдер любезно согласился взять тебя в свою группу. Поэтому с этого момента ты считаешься его студентом со всеми вытекающими отсюда последствиями. С правилами и распорядком дня тебя ознакомит брат Збышек, – он указал на прислужника. – Надеюсь, ты оправдаешь наше доверие.

Ректор, глубоко вздохнув от продолжительной речи, указал мне рукой на дверь, давая тем самым понять, что я уже свободен.

Отец был, естественно, очень рад. Его усы, минуту назад смотревшие вниз, моментально приподнялись к кончику носа, а лицо приобрело хитровато-гордое выражение, с которым он смотрел на проходящих мимо горожан. Как же! Его сын будет учиться в коллегииуме и станет ученым человеком, пусть на короткое время! Теперь мы спокойно шли по городу решать мои финансовые проблемы на период обучения во Львове. Путь наш лежал в еврейский квартал, где располагались лавки ростовщиков, менял и торговцев.

Пройдя через Сербский квартал, мы очутились перед большими деревянными воротами, которые были открыты настежь. За ними начинался еврейский квартал. На ночь, во избежание всяких недоразумений, эти ворота закрывались с двух сторон и вновь открывались с восходом солнца. Они служили своеобразной охраной жителей квартала. Нельзя сказать, что все евреи жили именно здесь, многие из них неплохо обосновались не только в городе, но и в его окрестностях, но тот торговец, который был нам нужен, проживал именно здесь. Перешагнув через эту своеобразную черту, мы оказались на улице, ведущей к небольшой площади, являвшейся торговым центром квартала. Повсюду сновал еврейский народ, от мала до велика. Многие останавливали нас, предлагая свои услуги, но отец, отмахиваясь от всего этого, уверенно вел меня к известной только ему цели. По пути я с интересом рассматривал хаотично построенные дома, отмечая ту особенность, что окна в них были расположены видом на улицу. Сзади дома отгораживались глухими стенами. Наконец, протолкнувшись через толпу в черных шляпах и ермолках, мы вышли на торговую площадь, где находились лавки богатых людей квартала. Отец уверенно направился к одной из них, которая в качестве приглашения распахнула

свои высокие полукруглые ворота, обвешанные всякой всячиной для привлечения внимания покупателей.

Решительно войдя в полумглу помещения, отец подошел к стоящему в глубине лавки столу, где сидел старый еврей. Перед ним лежали кучки монет разных стран и достоинств. Он молча смотрел на приближающегося отца.

– Здравствуй, Аарон, – сказал отец, усаживаясь на грубо сколоченный табурет у стола.

– Здравствуй, полковник, – ответил тот, приподнимаясь из-за стола в знак уважения к посетителю – Как здоровье? Как дети? Я вижу, ты не один пришел. Это, наверное, твой сын. Похож, настоящий казак. Дети – это наше будущее, чем больше детей, тем у тебя больше возможностей обеспечить свою старость, или наоборот. Всяко бывает в этой жизни. Вот у меня их куча, порой даже забываю, кто есть кто. Но они не обижаются. И представьте себе, все хотят кушать. И не просто кушать, а хорошо кушать. Вот и кручусь с утра до вечера как белка в колесе, чтобы добыть копейку на пропитание.

– Не прибедняйся, Аарон, – ответил отец. – Мы ведь с тобой давно знаем друг друга. Еще с того времени, когда ты на Сечи скупал не в ущерб себе у казаков добычу, которую они привозили из очередного турецкого похода. Так что давай лучше поговорим о деле.

– О, конечно, пан полковник, я понимаю, что вы пришли не просто для того, чтобы проведать бедного еврея.

– Конечно, мы, как и ты, люди дела, – ответил отец, вытаскивая из кармана бархатный мешочек и кладя его на стол. – Здесь двадцать золотых монет. Я даю их тебе под проценты с тем, чтобы ты кроме своих процентов выдавал моему сыну необходимую сумму для нормальной жизни в течение года. Ну, допустим две серебряных монеты в месяц. Я не хочу, чтобы он хранил деньги там, где будет жить, у тебя будет понадежней. Принимаешь ли ты мое предложение? Если нет, то мы будем искать другого менялу.

– Нет, конечно, пан полковник, я согласен. Сейчас посчитаю, как это все будет выглядеть.

И он, закрыв глаза, откинулся в кресле, что-то шепча тихонько, словно перебирая в уме те цифры, в результате сложения которых он получит неплохой гешефт. Затем открыл глаза, развязал мешочек и, нежно перебирая тускло поблескивающие монеты, бархатным голосом произнес:

– В среднем выходит три, три с половиной серебряных монеты в месяц. Устраивает вас такой расклад?

– Да, – ответил отец. – Но если ему понадобится больше, я думаю, ты не откажешь в такой просьбе.

– Конечно, пан полковник, о чем может идти речь! – утвердительно ответил Аарон.

– Вот и договорились.

С этими словами отец встал, а я направился на выход. Пока отец прощался, я прошел за ворота, где ко мне сразу же подскочил один из еврейских мальчишек, крутившихся здесь. Вид у него был довольно забавный. Мало того, что одежда была не по росту, так еще на голове торчала нелепая шляпа, полностью съехавшая на лоб. Во все стороны из-под нее торчали засаленные волосы. Схватив меня за рукав, он стал с жаром мне говорить:

– Пан казак, а пан казак! Я Юзек, сын того лавочника, с которым разговаривает ваш отец. Пан казак, если вам что-нибудь надо, обратитесь ко мне, я все сделаю, все достану, все решу. И все это будет недорого, дешевле, чем у других.

– Что, помогаешь отцу? – спросил я его.

– Нет, что вы, пан казак. У меня свое дело. Я сам зарабатываю себе на жизнь.

– А где ты берешь деньги?

– Как где? У отца. Каждое утро он дает мне пять грошей на еду. Я должен к концу дня вернуть их ему с процентами. Вот и кручусь с утра до вечера, чтобы от этих денег получить прибыль.

– Ну и как, получается?

– Когда как, но в основном удается нарастить капитал. То кому-то поднесу, то кому-то одолжу, то кому-то перепродам, и в итоге глядишь – и мне что-то остается. Так что, пан казак, если что надо – вызывайте меня. Я не боюсь выходить за эти ворота, и у меня есть много клиентов в городе. Юзека все тут знают.

– Хорошо, договорились, – сказал я, и он, довольный, подпрыгивая, побежал дальше по своим торговым делам.

Этот разговор очень удивил меня. Это же надо – занимать под проценты деньги собственному ребенку и всего на один день! Правильно это или нет, трудно сказать. Очевидно, у каждого родителя свой подход к этой проблеме. У моего отца – один, а у отца этого мальчугана – другой. Но надо отдать должное этому ребенку в том, что он научился зарабатывать для себя копейку, используя мизерный родительский кредит. Может, это и есть правильное воспитание, кто знает?

Мои размышления прервал отец, который вышел из лавки и, шурясь, смотрел на солнце, разгонявшее облака, медленно плывущие по небу.

– Ну что, сынок, ты все слышал, – сказал он, положив свою руку на мое плечо.

– Я думаю, денег тебе хватит, если будешь жить нормально. Главное – сверяй свои желания с возможностями. И тогда все будет хорошо.

И мы двинулись с ним в обратный путь, который выводил меня на тропу знаний. Теперь было главным для меня успешно войти в студенческое братство, которое отличалось не только оригинальностью поведения, но и поступков.

Проводив отца, я направился в свое новое жилище, чтобы подготовиться к первому посещению коллегиума. Мои соседи были уже на месте, горячо обсуждая прошедшие занятия. Увидев меня, они замолчали и стали в упор рассматривать снизу вверх.

– Ну что, давай знакомиться, – сказал тот, что был повыше и поплотнее.

– Да, – поддержал второй, пониже ростом, но более подвижный и энергичный в своих движениях.

– Но, – снова вступил в разговор первый, – для того чтобы знакомство произошло, ты должен поставить нам кварту пива, иначе дружбы между нами не бывать!

Я понимал, что здесь существуют свои законы, которые мне надо изучить, чтобы затем обернуть в свою пользу. И на данном этапе мне необходимо подчиниться обстоятельствам, которые и диктовали мне соответствующее поведение. Плохо было то, что я еще вообще не пробовал спиртных напитков, и это было серьезным испытанием, на которое мне пришлось решиться.

– Ну что ж, уважаемые господа студенты, я имею честь пригласить вас в корчму, чтобы отметить нашу встречу и заложить основу дальнейшей дружбы.

Такое вступление понравилось им, и мы гурьбой двинулись к ближайшему питейному заведению. Заказав по кружке пива, мы удобно устроились на лавке и процесс знакомства вступил в свою первую фазу. Отпив одним глотком сразу полкружки, тот, который был повыше, встал и, протянув мне руку, представился – Остап. Второй, следуя его примеру, сообщил, что его зовут Казимиром. За первой кружкой пива последовала вторая, за ней – третья, и по мере их употребления я все более узнавал о тонкостях студенческой жизни. Сначала они с подозрением смотрели на то, как я медленными глотками справляюсь с первой кружкой пива, но узнав, что для меня это в первый раз, пришли в неистовое веселье и больше на это не обращали внимания, просто вспомнив, что и для них когда-то это было в первый раз. Оказалось, что они оба шляхетского рода, один из казацкой старшины, второй из средней польской знати. В коллегиуме все студенты входят в какое-то землячество, и они в частности – в «землячество выходцев из восточных земель Речи Посполитой. Вся жизнь студентов крутится вокруг этих землячеств, которая не всегда протекает в условиях «принципа мирного сосуществования». Оказалось, что

старшие студенты имеют абсолютную власть над младшими. Ученик первого курса должен был снимать шапку и оказывать знаки полного повиновения перед старшими студентами. Среди старшекурсников особенно выделялись философы и богословы. Они пользовались особыми привилегиями, носили усы, курили табак и пили горилку. Младшие называли их «пан ритор» или «пан философ». Богатые студенты жили на квартирах и имели собственных «будильников» из числа бедных студентов, которые будили их по утрам и сопровождали на занятия. Бедные жили в общежитии – «бурсе», где спали кто на лавках, кто на полу, ведя постоянную борьбу с миллионами насекомых, которых в зависимости от вида и степени болезненности укусов прозвали то «пехота», то «кавалерия», то «тяжелая артиллерия». По мере того, как я постепенно познавал тонкости моей будущей студенческой жизни, моя голова от выпитого пива становилась все тяжелее, а собеседники раздваивались и порой даже троились, уплывая куда-то вбок. В конце концов прохладная крышка стола, с которой встретилась моя голова, мне показалась спасительным кругом, а мир, окружавший меня, исчез из моего сознания.

Очнулся я на следующее утро в своей кровати от брызг холодной воды, которой обдавал меня Казимир.

–Быстро вставай, нам нельзя опаздывать на занятия, – торопливо произнес он, видя, что я открыл глаза. Остап стоял уже возле выхода, расчесывая пятерней спутанные волосы. Вскочив, я быстро привел себя в порядок, благо, не надо было одеваться, так как мои новые друзья уложили меня в кровать в том виде, в каком доставили из пивнушки. Глянув друг на друга, мы громко расхохотались и рысью помчались на занятия. В свою аудиторию я влетел буквально за секунду до прихода лектора. Тот, взойдя за кафедру, обвел всех присутствующих недовольным взглядом, потянул носом воздух и, поморщившись, начал читать лекцию по философии на латинском языке. По мере изложения материала голос его то повышался до крика, то понижался до шепота, заставляя вслушиваться в его фразы. В середине изложения материала он взял линейку, лежавшую на столе, и пошел вдоль столов, щелкая линейкой по лбу отдельных студентов, не прерывая лекции. Досталось и мне. Как мне разъяснили позже, это было «вколачивание учебного материала в головы студентов». Как ни парадоксально, но это имело свои положительные моменты, не давая студентам впасть в прострацию от монотонности голоса учителя. На перемене меня обступили студенты, выясняя, кто я такой и как очутился на старшем курсе. После моих ответов было решено остаться после занятий и советом старейших принять решение, к какой категории студентов меня отнести, так как мой случай поступления не вписывался в стандартные истории. После второй лекции я пошел искать моих приятелей. По мере поиска я открывал ряд дверей с непонятной символикой, нарисованной на них, заглядывая в чрево аудиторий, заполненных шумной толпой горлающих ребят. Наконец, в конце коридора я столкнулся с ними и сразу выложил им новость о предстоящем собрании старейших.

–Да, это серьезно, – сказал Остап, внимательно смотря на меня.

–Ты не переживай, все будет нормально, придумают какую-то шутку и все. Я уже переговорил с главой нашего землячества, он будет там на собрании и не даст тебя в обиду, – вставил свое слово Казимир.

–Мы будем с тобой рядом и поможем, – кивнул головой Остап.

–Ну, спасибо, – ответил я, хотя, честно сказать, настроение было не из веселых.

–А что это у вас на дверях нарисовано? – спросил я ребят, указывая на рисунки.

Они внимательно посмотрели в сторону моей вытянутой руки и раскрыли тайну эмблем, красовавшихся на входе в аудиторию. Роль экскурсовода взял на себя Казимир.

–Смотри, вот это класс грамматики, здесь изображен древнегреческий мудрец с долотом и молотком, который из пня вытесывает студента, опираясь локтем на книги, как бы передавая ему мудрость знаний путем ежедневных занятий. А вот здесь изображен колодец, наполненный до краев водой, – это символ знаний, здесь преподают поэтику и риторiku. Ну а философы

и богословы занимаются за этими дверями, на которых парит в лучах восходящего солнца горный орел. Считается, что студент должен всегда стремиться к знаниям, как орел, который поднимается все выше и выше к источнику света на земле.

Прозвучавший звонок снова разбросал нас по аудиториям и собрал всех вместе только после третьей лекции возле «орлиной» аудитории, где должен был проходить совет. Старейшины важно вышагивали мимо и скрывались в аудитории, оставляя нас в ожидании. Совет длился достаточно долго и довольно бурно. Из-за двери доносились то громкие голоса, то смех, то дискуссия на повышенных тонах. Наконец все стихло, двери открылись и меня пригласили войти.

С трепетом в ногах я перешагнул порог аудитории. За столом сидело трое старшекурсников с едва заметной растительностью на лице, а напротив них в разных позах разместилось еще человек двадцать. Все внимательно смотрели на меня, причем каждый со своей долей скептицизма. После того как я остановился возле стола, председательствующий встал и, обведя всех взглядом, заявил:

– Высокое собрание приняло следующее решение, которое состоит в том, что данный студент еще является «инфимой» -младшекурсником, и пока не равный нам, несмотря на то, что учится на старшем курсе. Он может стать таким, только пройдя испытание. Суть его состоит в том, что он обязан будет принять участие в ближайшем «эпитенции» – походе за провиантом для студентов, после чего должен будет устроить прием для членов уважаемого собрания в корчме. Только после этого он может именоваться «пан ритор». Кто за это решение, прошу голосовать.

На удивление, абсолютное большинство членов совета проголосовало «за». Мои друзья, довольные таким решением, сразу потащили меня в город, чтобы по пути обсудить все более детально. В младшекурсниках я ходил почти месяц, пока не пришло время отправляться в поход за едой. К этому вопросу отнеслись очень серьезно. Была подобрана команда из физически крепких студентов разных курсов. Возглавляли ее двое старейшин. Каждого заставили выучить стихи и песни, которые необходимо было исполнять в зависимости от обстановки. И в один из погожих воскресных дней, взяв мешки, мы отправились в путь на западную окраину Львова. Перед первой деревней, лежащей на нашем пути, старший собрал нас в кружок и проинструктировал, как себя вести. Если будут наливать чарку, то младшим не пить, а действовать по принципу «Риторам нельзя, философам можно, а богословам – должно». Нас как раз и возглавляли философ и богослов. Увидев первые деревенские дома и почувствовав запах вареной еды, тонкой струйкой тянущейся из дымоходов, он не сдержался и, раскинув руки, стал читать нараспев: «Любезное село! Когда увижу я твои сладчайшие травы – капусту, горох, репу, бобы в сале варени. О вечоре щасливый! О ночи блаженна!». И чуть ли не бегом рванулся к первому дому зажиточного крестьянина, попавшемуся на нашем пути. Побежав вслед за ним, мы гурьбой остановились перед плетнем, огораживающим дом со стороны улицы. Теперь нужно было выбрать эпитента, который понесет хозяину «фару с орацией», и в случае его согласия проводить дальнейшие действия. Выбор пал на богослова, который, подкрутив , двинулся через калитку во двор. Мы замерли в ожидании.

Какое-то время стояла тишина, даже слышно было щебетание птиц. Затем раздался призывной распев богослова, вслед за которым послышался голос хозяина. Мы минут пять стояли, вслушиваясь в этот разговор. Наконец раздались шаги, и из-за изгороди показался кремезный мужик, сопровождаемый довольным богословом. Заметив их приближение, философ махнул рукою, и мы быстро построились согласно ранее выученному уроку. Подняв руку вверх, наш дирижер скосил глаза на богослова, ожидая соответствующего сигнала, и, когда тот кивнул головой, мы, не ожидая, грянули первый вирш, воздавая хвалу хозяину, согласившемуся выслушать нас. Голоса наши чисто звучали в звонкой тишине сельской глубинки, и по мере пения лицо мужика расплывалось в довольной улыбке, а вокруг него стайкой собрались домо-

чадцы, с интересом поглядывая на нас. Вокруг нашей капеллы образовалась стайка вездесущих мальчишек, а из соседних домов выходили жители, чтобы получше рассмотреть нас. Мы понимали, что от того, как сложатся эти первые контакты в деревне, зависит успех или неуспех нашей миссии. Поэтому каждый старался изо всех сил, напрягая легкие и выдавая рулады с реверансами в сторону хозяина. А тот, подбоченившись, гордо поглядывал в сторону односельчан. Затем мы спели вирши в честь хозяйки и всех домочадцев. Довольный мужик взял у рядом стоящей с ним молодой дивчины бутылку самогону и шкалик, налил его до краев и поднес нашему руководителю. Тот крикнул, поблагодарил и, расправив усы, одним глотком влил содержимое внутрь. Хозяин забрал у него шкалик, снова заполнил его и протянул первому стоявшему возле него студенту. Но тот отказался. Недовольный хозяин вопросительно глянул на философа, слизывающего со своих усов остатки самогона. Тот, увидев недоуменный взгляд крестьянина, сложив рук на груди, воскликнул:

– Шановный пан, то еще молодняк, «риторы», а у нас существует правило, – и, повернувшись к нам, он взмахнул рукой, и мы хором, нараспев громко пропели: «Риторам нельзя, философам можно, а богословам – должно». Это позабавило присутствующих, и они разразились громким смехом.

– А кто из вас буде кто? – колыхаясь от смеха, спросил хозяин.

– Я философ, – ответил наш дирижер, – а рядом с вами богослов.

– Ну, тогда держи, – и хозяин протянул шкалик богослову, который, не морщась, быстро справился с подарком, жадно глядя на бутылку. Хозяин правильно понял его взгляд и налил ему еще раз. После этого мы заполнили под завязку три мешка. Тепло распрощавшись с гостеприимной семьей, мы двинулись дальше по деревне, заходя в те или иные дома. Надежды наши оправдались, и мы в этой селении сумели заполнить почти половину наших заплечных котомок. Естественно, слух о нашем походе разнесся по деревням. Где-то нам отказывали, а где-то, жалея, давали, кто что мог: картошку, капусту, буряк, фасоль и так далее. В итоге мы загрузили не только мешки, но и наши карманы и, уставшие и запыленные, к вечеру вернулись в бурсу. Сдав все в общий котел, мы завалились спать. Идти не было сил, поэтому и я улегся спать на полу в одной из комнат. Сон наступил мгновенно, и никакая живность не смогла прервать его, хотя наутро она напомнила о себе синяками и укусами, покрывшими все тело, которое начало нестерпимо чесаться. Утром на лекциях участники похода имели помятый вид и отрешенно внимали тем истинам, которые лектор пытался донести до них. Я же думал о том, как мне организовать вторую часть моего испытания, так как первая была уже выполнена и я на себе прочувствовал, как живет «инфиме», и, не пройдя через это, нельзя было чувствовать себя студентом в полной мере.

Понимая, что это еще одно серьезное испытание для меня, может быть, еще более сложное, чем первое, я решил подготовиться намного тщательнее. В субботу с утра я сбегал в еврейский квартал, где получил причитающиеся мне две серебряные монеты. На обратном пути я заглянул в ближайшую к коллегии пивоварню и договорился, чтобы они сварили свежее пиво. После этого я нашел «голову» землячества и через него пригласил всех старейшин отведать хмельного напитка. Вечером мне сообщили, что приглашение принято и в четыре часа следующего дня мы встречаемся в пивоварне.

Естественно, я пришел туда раньше и договорился с хозяином, как будет проходить собрание. Ровно в четыре часа в здание гурьбой ввалились старейшины. Они сразу схватили глиняные кружки и стали в очередь возле бочки, где их ждал хозяин, взявший на себя миссию разливающего. Все смиренно ждали, когда пена медленно осядет, чтобы наполнить кружку как полагается. По пивоварне распространялся непередаваемый запах. У студентов жадно расширялись ноздри носа и сохло во рту от предвкушения столь желанного напитка. Наконец, последняя кружка была заполнена и все чинно расселись вокруг длинного стола, на котором

стояли миски с подсоленным хлебом и лежало немного вареного мяса. Это все, что я мог предложить гостям.

Старейшина встал и, обедев всех взглядом, сказал:

– Шановне панство, вы все знаете, по какому случаю мы собрались здесь?

В ответ все присутствующие дружно стукнули кружками по столу.

– Мы принимаем в наши ряды нового товарища, и он должен доказать, что достоин нового звания.

Председательствующий махнул рукою, и хозяин, с трудом удерживая в руках наполненную до краёв кружку, по своим размерам раза в два превосходящую те, которые были в руках у студентов, поднес её мне. Я понимал, что все это мне надо выпить. В ответ на это мой организм взбунтовался, а глаза вылезли из орбит. Тем более, что я вообще еще ни разу в жизни не пробовал хмельных напитков. Как я справлюсь с этим, я не знал. Но правило есть правило. Я вспомнил, чему меня учили мои наставники, привел свои мысли в порядок и, сконцентрировав взгляд на середине пенящегося напитка, представил себе, что это прохладная родниковая вода, которую я уже пил ранее. Мои усилия не пропали даром. В пивной кружке образовалась небольшая воронка, вбирающая в себя хлопья пены. Попавшее в зону ее действия пиво стало светлеть и приобретать совершенно другой оттенок. Все в ожидании смотрели на меня, предвкушая серьезную попойку, старт которой должен был дать я. Собравшись с духом, я приподнял кружку и провозгласил здравицу в честь ясновельможного панства, присутствующего здесь. И, поднеся ее ко рту, стал пить медленными глотками. Действие это оказалось достаточно трудоемким. После десятого глотка мой организм отказывался принимать такое количество жидкости и пытался вытолкнуть ее обратно. Однако усилием воли я сдерживал это поползновение и заставлял напиток вернуться обратно. Последний глоток достался особенно тяжело, но и он не смог вырваться на свободу. Громко поставив кружку на стол, я поклонился присутствующим. Те дружно закричали: «Слава!», а председательствующий предложил выпить за нового «пана ритора», и все дружно вскинули кружки ко рту. Воцарилась тишина, в которой было слышно только, как пиво, проскакывая через горло, наполняет желудки голодных студентов. Вслед за первой так же быстро ушла вторая кружка, а затем, чуть медленнее, третья, которая уже начала сопровождаться разговорами. Тарелки с закуской исчезли в мгновение ока, и теперь хозяином за столом было только пиво. Я не чувствовал себя пьяным, но больше пить не хотелось, так же, как и вставать из-за стола. Мне казалось, что меня расперло и мой живот раздулся до невероятных размеров. Однако постепенно все нормализовалось. Каждый был занят собой, или вел беседу с соседом, или подходил к бочке, чтобы наполнить опустевшую кружку. Некоторые, проходя мимо, добродушно хлопали меня по плечу, тем самым давая понять, что праздник удался. Я, заранее предвидя возможное развитие ситуации, расплатился с хозяином и теперь просто наблюдал за происходящим, не подсчитывая, во что мне все это может вылиться. Все равно для меня это обходилось дешевле, в отличие от другой «инфимы», которой приходилось поить своих наставников все годы учебы.

Хоть я и выработал определенную защиту против опьянения, однако оно потихоньку начало доставать меня. То начинало шуметь в голове, то собеседник вдруг раздваивался на глазах, то голос его доходил до меня как бы издалека. Но я пока справлялся с этим. В середине гулянки, когда выпито было достаточно прилично и на улице стало темнеть, откуда-то появились две упитанные девушки, которых все усиленно стали поить пивом. Самое интересное было в том, что они не сопротивлялись, присаживаясь на коленки то к одному, то к другому студенту. Затем откуда-то появились музыканты, и начались пляски всех, кто мог еще стоять на ногах, причем девушки забрались на стол и выделывали там такие коленца, что подолы их платьев поднимались выше головы, демонстрируя собравшимся все доступные части женского тела. Некоторые разгоряченные пивом зрители пытались ущипнуть танцующих, но неизменно получали по рукам. Несмотря на то, что от этого зрелища вся толпа пришла в неистовый вос-

торг, на меня женское тело не произвело никакого впечатления. Или я был пьян, или еще много не знал. После танцев все гурьбой двинулись на выход, горлана студенческие вирши о бедном студенте, «злодеях-преподавателях» и о быстро текущей молодости:

Я унылую тоску
Ненавидел сроду,
Но зато предпочитал
Радость и свободу.
И Венере был готов
Жизнь отдать в угоду,
Потому что для меня
Девки слаще меду.

Добравшись домой с помощью новых друзей, я отключил свои нервы и хмель моментально ударил в мою голову, пригвоздив ее к подушке.

Несмотря на бурно проведенную ночь, все студенты утром были на занятиях, хотя их вид оставлял желать лучшего. В аудитории стоял плотный специфический запах, поэтому первая лекция прошла при открытых окнах. Так закончилось мое вхождение в новое общество, и я стал полноправным студентом. Потянулись нудные дни учебы, прерываемые различными приключениями, походами по деревням, студенческими шалостями и обыкновенными драками как между студентами, так и с городскими жителями по разным причинам. Чего греха таить, и я принимал в них участие. Мои навыки, выработанные в ходе ежедневных тренировок, пригодились здесь, и я не раз выручал своих друзей. Все стали относиться ко мне с уважением, потому что оказалось, что я могу не только хорошо учиться и заводить народ на диспутах, не боясь опровергать точку зрения мэтра, но и хорошо драться. Единственное, что мне было пока не под силу, так это употреблять в значительных количествах хмельные напитки, так как мой организм активно протестовал против этого. Меня ввели в Совет старейшин, и я подружился со многими из них. В нем особняком держался студент из Франции Пьер де ла Мур. Он был из бродячих студентов – вагантамов, которые переходили из университета в университет на протяжении всей учебы, ища новых впечатлений и знаний. Мы как-то сразу прониклись симпатией друг к другу и стали приятелями. Пользуясь случаем, я с его помощью стал изучать французский язык. С его слов я имел представление о светской жизни во Франции и Германии, которую он также посетил. Корни его были дворянского рода, поэтому он периодически посещал различные балы и сессии, устраиваемые как в Елисейском дворце, так и в имениях знатных людей. Во Франции статус студента был значительно выше, и, имея знатное происхождение, он мог кроме учебы позволить себе и светские развлечения.

Мой новый статус, достигнутый за достаточно короткий срок, не прошел незамеченным для руководства. Мной стал интересоваться ксендз пан Войтич, который отвечал за нравственность в коллегии. Он стал часто приглашать меня к себе и вести разговоры о службе Короне и святой церкви, пытаясь склонить меня к переходу в другую веру. Но, получив мой решительный отказ, больше прямых разговоров на эту тему не заводил, продолжая, тем не менее, прощупывать меня дальше.

После круговорота студенческой жизни, совмещаемой с учебой, незаметно подкрались первые каникулы. Мой приятель Пьер стал собираться домой, и в одной из бесед предложил и мне совершить вместе с ним это путешествие. Прикинув все за и против, я согласился. Новые знания, новые впечатления никогда не помешают. Перед отъездом я смотался к своему казначею, и, несмотря на его причитания и стоны, вытряс для своих каникул пять серебряных монет, которые я зашил в свой пояс.

Рано утром, вскинув на плечо свои мешки с нехитрыми пожитками, мы отправились в путь. В основном это был пеший переход, но иногда добрые крестьяне милостиво разрешали нам проехать на скрипящих телегах. На ночлег просились в деревенские дома, а когда

их не было на нашем пути, то согревались в стогах сена, где было тепло, несмотря на холодные ночи. Питались так же, чем Бог пошлет: где в огороде что-то найдем, где на ярмарке что-то перепадет, где подзаработаем, показывая различные фокусы или живые картинки из студенческой жизни. Правда, один раз в Германии мы потратились, наевшись мяса до отвала и взяв кусок окорока собой в дорогу. Границы для студентов не существовало, даже через пограничные заставы многочисленных немецких княжеств мы проходили безболезненно. Подходя к очередному пограничному пункту, мы начинали петь студенческие песни, тем самым демонстрируя нашу принадлежность к студенческой братии, снующей повсюду. Немецкие стражники, знакомые с выходками немецких и других студентов, поворачивались к нам спиной, тем самым демонстрируя полный нейтралитет и возможность беспрепятственного прохода. С других путешественников брали пошлину не только за пересечение границы, но и за посещение каждого населённого пункта на пути их следования. В ходе нашего путешествия мы примкнули к бродячим артистам, которым так понравились наши живые картинки, что они предложили нам присоединиться к ним. Посоветовавшись, мы приняли их предложение, обеспечив себе небольшой заработок и крышу над головой. Пьер как истинный француз сразу оказался в центре внимания женской половины бродячего балагана. Его рассказы о студенческой жизни так понравились старшей дочери хозяина, что во время нашего короткого совместного путешествия Пьер не выходил из ее палатки до самого утра. Я же коротал ночи на улице, укрывшись ворохом одежды.

В одну из таких ночей на нас напали разбойники. Их было шесть человек довольно мрачного типа, вооруженных длинными ножами. Они окружили нашу стоянку и, согнав всех к костру, стали копаться в пожитках, требуя денег. Чтобы мы были сговорчивей, их предводитель схватил старшую из девушек за волосы и, приставив нож к ее прелестной шейке, грозился употребить его в дело. Этого не мог вынести Пьер и рванулся вперед, чтобы помочь любимой, но моментально отлетел в сторону от удара сапогом в живот. Согнувшись пополам, он пытался широко открытым ртом вдохнуть в легкие как можно больше воздуха, с тем чтобы облегчить свои страдания. Его мимика вызвала гомерический хохот разбойников, по ходу дела комментирующих его телодвижения. Внимание всех присутствующих было обращено на моего спутника. Я решил воспользоваться сложившейся ситуацией и, подбежав к тлеющему костру, схватил лежащую возле него крепкую суховатую палку, которая служила нам для подвешивания котелка при приготовлении пищи. Одним концом моего импровизированного оружия я крепко ткнул ближайшего бандита в живот, с такой силой, что он, открыв рот в немом крике, стал медленно оседать на землю. Другим концом палки я нанес колющий удар другому бандиту прямо в адамово яблочко, в результате чего тот потерял сознание и рухнул на землю. Затем, развернувшись и перехватив палку, я выбил нож у третьего бандита. К этому времени и хозяин балагана пришел в себя от шока и, дико закричав, кинулся на стоящего рядом разбойника, повалив его на землю. Наш рукопашный бой дал возможность Пьеру набрать нужное количество воздуха и двинуться на предводителя, который удивленно смотрел на своих валяющихся соратников, силясь понять, что же произошло. Увидев бешеные глаза надвигающегося на него француза, он стал медленно отходить к лесу, прикрываясь девушкой и крича, что он сделает ей плохо. Его подельник, дрожа от страха, озирался вокруг, ища пути спасения. И наконец, решившись, развернулся и бросился бегом в сторону леса. Чтобы не дать ему уйти, я перехватил палку и метнул ее как копьё в спину убежавшего. Удар пришелся в район ключицы, придав разбойнику ускорение такой силы, что он лбом врезался в дерево и медленно пополз по нему вниз. Теперь все внимание было сосредоточено на главаре, который крутился вокруг своей оси с заложницей, огрызаясь на присутствующих, неуклонно приближающихся к нему. Нужно было каким-то образом переключить внимание этого разбойника, чтобы освободить девушку. Прямо нападать было нельзя. Это понимал и Пьер, стоящий напротив этого типа, и ее отец, который подстраховывал сзади. И я решил рискнуть. Нашупав в кармане серебряную монету

и крепко сжав ее, я стал осторожно подходить к этому громиле, предлагая ему успокоиться. Подойдя достаточно близко для проведения моего плана в жизнь, я вытащил монету из кармана и со словами «Твоя взяла» подбросил полновесный серебряный талер вверх так, чтобы он опустился прямо на него. Монета взвилась вверх и, крутясь и играя своими блестящими боками от света догорающего костра, стала медленно опускаться немного в стороне от стоящей «парочки». Все замерли в ожидании, глядя на монету. И в тот момент, когда она оказалась уже на уровне глаз, отец девушки непроизвольно дернулся. Уловив это движение, разбойник, думая, что у него хотят забрать столь желанную добычу, ослабил хватку и протянул левую руку, чтобы поймать монету. Однако это ему не удалось. Девушка, воспользовавшись ситуацией, выскользнула из крепких объятий, а Пьер нанес сокрушительный удар ногой в пах незадачливому грабителю. Тот сложился пополам, выронив нож, и выражение его лица стало таким же, которое было ранее у Пьера. Пока мы выясняли отношения друг с другом, забрезжил рассвет, призывая нас в дорогу. Разоружив и связав разбойников, мы стали обладателями трех золотых монет, которые разделили по-братски, конфисковав их у главаря. Две отдали артистам, а одну оставили себе. Быстро собрав разбросанные пожитки, мы двинулись в дорогу, стараясь быстрее выбраться из столь негостеприимного леса, сопровождаемые воплями и мычанием неудачливых разбойников. В ближайшей деревне мы купили мяса, вина и всю дорогу снимали то напряжение, которое получили в результате этой схватки, под громкий смех вспоминая все новые и новые подробности.

Таким образом мы путешествовали по стране, помогая друг другу. Но в Раменсбурге наши пути разошлись, и мы с Пьером отправились к границе, чтобы наконец попасть в столь желанную Францию. Не могу сказать, что расставание было безболезненным. Девушки плакали, повиснув у нас на шее, а их отец, громко сморкаясь, тихо стоял в стороне. Надо сказать, что мы не бесполезно провели все это время. Мы научились всяким артистическим хитростям перевоплощения, могли разговаривать разными голосами в зависимости от роли и пользоваться гримом. Все эти навыки пригодились мне в дальнейшем, и я часто вспоминал моих случайных учителей.

Разжав прощальные объятия, мы по полям, деревням и обходным дорогам двинулись к границе. По пути давали небольшие представления, что обеспечивало нас скудным пропитанием. И вот мы пересекли границу и оказались во Франции. Пьер, воспрянувший духом, сразу привел меня в деревню к своим знакомым, где он часто останавливался в ходе своих путешествий. Приняли нас радушно, особенно женская половина. Нагрели воды, и мы, наконец, смогли помыться, по очереди окунаясь в глубокую бочку. По окончании этой процедуры мы обнаружили, что вся наша одежда была отправлена в стирку, в результате чего пришлось довольствоваться длинной, до пят, домотканой рубахой. Однако это неудобство было компенсировано разнообразными закусками, которые красовались на столе, со всех сторон окружая кувшин с вином, гордо стоящим в центре. Естественно, мы не могли отказаться от такого гостеприимства и, подобрав полы рубах, быстро устроились на лавке, готовые пожертвовать собой в угоду хозяевам. Наши мелькнувшие в ходе этой процедуры оголенные ноги вызвали хихиканье женской половины этого дома, уже чинно сидевшей за столом. Но грозный взгляд хозяина снова расставил все по своим местам. Вскоре чаши были наполнены, и мы, помолившись, отдали дань стоящим перед нами и источающим непередаваемые ароматы блюдам. Через время, когда еда начала более медленно проходить в наши желудки, появился второй кувшин красного терпкого вина, что позволило нормализовать эту проблему. Ну а третий кувшин привел всех просто в отличное настроение, и если бы не усталость, то, возможно, наша встреча могла бы закончиться плясками. Поблагодарив хозяев, мы заплетающейся походкой отправились на сеновал, где нам уже была приготовлена постель. Упав на нее, я сразу же погрузился в глубокий сон.

Свет мы увидели только после третьих петухов, когда утро уже прочно вошло в свои права. Выйдя на улицу, я сразу бросился к бочке с дождевой водой и наклонил голову. Оттуда на меня в упор глянула помятая физиономия странствующего студента с растрепанными волосами, в которых запутались стебли соломы, торчащие в разные стороны. Более противной рожи я не встречал. И чтобы ее прогнать, пришлось нырнуть в бочку. Прохладная вода сразу привела мои мысли в порядок, что подтвердило и вновь появившееся изображение, колеблющееся на поверхности воды от капель, стекавших с моей головы. Окунув ее еще несколько раз, я оторвался от бочки и более-менее ровно направился в дом, откуда навстречу мне вынырнуло улыбающееся лицо Жанетт с полотенцем и костяным гребнем в руках. Пока я вытирался, она ловко расчесала мои волосы, убрав отсюда ненужные нагромождения, что еще больше улучшило мое самочувствие. Не в силах идти дальше, я присел на крыльцо и подставил лицо прохладному воздуху. Именно в этот момент в дверях сеновала возникла фигура Пьера. Он на секунду приостановился, зажмурившись от солнечных лучей, бьющих прямо в глаза. В его волосах и бороде густо поблескивала солома, а рубаха была вся обсыпана соломенной трухой, которая от порывов ветра мелкими стайками отрывалась от него и улетала в бок. Очевидно, вчера, падая из последних сил, он промахнулся мимо постели, да так и проспал всю ночь, уткнувшись в солому. Увидев меня, он приветливо махнул рукою и рысцой подбежал к бочке с водой, повторив все мои манипуляции. Затем молча усевшись рядом со мной, он тоже стал наслаждаться прохладой. Вскоре нас позвали в дом. На столе стоял кувшин с молоком и два больших куска хлеба. Это был наш завтрак.

Одежда наша еще не высохла после стирки, в связи с чем нам пришлось остаться до следующего утра. Чтобы не слыть бездельниками, было решено помочь по хозяйству. Мы привели в порядок сеник, накололи дров. При этом Пьер постоянно подмигивал средней девушке Аннет, которая кокетливо закрывала лицо, порой красневшее от тех слов, которые шептал ей неутомимый ловелас. После обеда мы немного вздремнули, а к вечеру закончили все свои дела. Одежда наша, чистая и сухая, ждала нас на лавке, однако мы решили надеть ее утром, чтобы не испортить на сеновале. На ужине мы обошлись одним кувшином вина и, поблагодарив хозяев, ушли спать, чтобы рано утром отправиться дальше. Такой радушный прием имел свою историю. Оказывается, в свое время Пьер каким-то образом спас хозяина во время одного из своих странствий, и тот в благодарность теперь всегда держит свой дом, открытым для него. Надо отдать должное и Пьеру. Он свято соблюдал правила приличия и никаких практических шагов, кроме интрижек, не допускал по отношению к его дочерям. Поэтому и эта ночь прошла без приключений. И ранним утром с котомками, полными еды, мы отправились в Париж. Где пешком, где на телеге, мы через два дня добрались до места назначения. Естественно, меня поразила громада города, которая не шла ни в какое сравнение со Львовом. А в остальном та же грязь на улицах, множество карет и конных экипажей, причем среди них часто бросались в глаза такие, которые перевозили своих пассажиров на трех колесах. Этот вопрос, адресованный Пьеру, сразу нашел разъяснение. Оказалось, что, согласно королевскому указу, за каждое колесо необходимо было платить приличный налог. Поэтому в целях экономии народ и придумал такие повозки. Так, разговаривая о диковинном, мы достигли того места, где жил мой попутчик. Он совместно с одним из студентов снимал небольшую комнату на первом этаже небольшого серого дома. В комнате соседа не оказалось, и можно было немного отдохнуть после такой длинной дороги. Мы присели за стол, стоящий возле окна, и вытащили остатки своей провизии. Они состояли из черствого хлеба, небольшого куса вяленого мяса и головки лука. Все это в мгновение ока оказалось в наших желудках. Повеселевший Пьер сразу засуетился.

–Знаешь, что! Давай отдыхай, а я схожу быстренько в одно место, а потом мы вечером отправимся в гости.

–Куда? – спросил я.

–Об этом узнаешь позже.

И Пьер, нахлобучив на голову шляпу, исчез за дверью.

Убрав со стола, я раскатал сложенный в углу соломенный матрац и завалился спать. Сон навалился сразу, и очнулся я от того, что кто-то настойчиво тормошил меня за плечо, предлагая проснуться. Это был Пьер, явившийся в сопровождении еще одного юноши, который оказался соседом по комнате. Звали его Ришар. Быстро собравшись, я в составе новой компании двинулся в известном только им направлении. Сначала мы шли темными улочками, а затем неожиданно вышли на широкий проспект, собравший вокруг себя прекрасные каменные дома, в окнах которых мерцал свет. Повсюду сновали кареты, развозя своих седоков по нужным им направлениям. Пройдя еще несколько шагов и повернув на улицу Прувер, мы остановились у парадного крыльца одного из зданий. Пьер, оставив нас у входа, быстро взбежал по ступенькам к дверям и дернул витой шнур, висевший сбоку от ручки. Раздался мелодичный звон колокольчика, и через некоторое время из открывшейся двери вышел лакей в ливрее с подсвечником в руке, пристально всматриваясь в нашу сторону. Пьер, наклонившись к нему, что-то прошептал на ухо. Тот послушал, кивнул головой и скрылся за дверью. Минут через десять он вернулся и жестом предложил войти. В вестибюле первого этажа, освещенного тремя большими подсвечниками, нам предложили подождать. На мой молчаливый вопрос Пьер ответил, что мы пришли в гости к его приятелю, студенту-сокурснику, представителю знатной французской фамилии. Мой друг хотел, чтобы он посодействовал нам в том, чтобы попасть на один из светских приемов в Париже, так как являлся завсегдаем этих мероприятий и обладал обширными связями. Через время раздался шаг, и по лестнице к нам спустился молодой человек с выражением крайней усталости на бледном лице. Был он облачен в длинный халат, распахнутый на груди, а в руке держал трубку с длинным чубуком. На его шее висела оригинальная маленькая табакерка, украшенная жемчугом. Обнявшись с ним, Пьер представил меня моему новому знакомому. Тот, вяло пожав руку, предложил присесть на стоящий в углу диван и приказал слуге подать бургундского вина. Его появление подняло настроение, и беседа пошла оживленнее. В основном она касалась нашего путешествия и светских сплетен парижской знати, в окружение которой, очевидно, входил и Пьер. После третьего бокала вина они вдвоем отошли в сторону и довольно продолжительное время что-то бурно обсуждали. Вероятно, достигнув согласия, которое было скреплено пожатием рук, друзья разошлись. Пьер подошел к нам, а хозяин, махнув прощально рукой, начал подниматься вверх.

–Ну что, ребята, пошли домой, – сказал Пьер, поднимая нас из-за стола. Несмотря на оставшееся еще вино, нам пришлось подчиниться и последовать за ним на выход. Лакей, придерживая дверь, вежливо выпустил нас на улицу, где начинал моросить мелкий дождь. Однако разогретые отличным вином, мы, почти не промокнув, быстро достигли нашего жилища. Повесив свою одежду для просушки, мы усталились на Пьера, ожидая пояснения его «секретных» переговоров. Пьер хранил гордое молчание и с хитрецей посматривал на нас. Однако надолго его не хватило.

–Ладно, мы с Марселем обсуждали возможность нашего участия в одном из светских приемов в ближайшее время. Попасть туда не так просто, так как приглашения рассылаются заранее и все знают друг друга. Но через два дня будет бал в Бурбонском дворце, и у нас есть шанс попасть туда. Так как гостей будет много, то мы можем затеряться среди них. Кроме того, список приглашенных составляет его хороший знакомый, который и внесет нас туда. Ты пойдешь на приём под своей фамилией как граф Литвин. Только вот одежду надо будет тебе подобрать соответствующую. В той, что ты носишь, даже на порог не пустят. Поэтому Мишель любезно предлагает тебе воспользоваться его гардеробом. Этого добра у него хватает. Он у нас модник. Не переживай, мы с ним договорились – только новые вещи. Иначе ты лишаешься возможности присутствовать на королевском балу.

Этот последний аргумент перебил все мои возражения, и я молча кивнул головой.

– Как себя вести там, я расскажу тебе завтра.

– Хорошо, – ответил я. – А почему твой друг такой потерянный, или он не рад нашей встрече?

– Что ты! Вовсе нет. Это он в печали. У него сдохла блоха.

– Как? – не понял я. – Блоха? Да мы бьем их десятками, так зачем расстраиваться всего из-за одной какой – то?

– Да это не простая блоха, а блоха, пойманная на теле его любимой дамы. И в связи с тем, что она пила кровь с предмета его обожания, он каждый вечер, мечтая о ней, выпускал блоху, чтобы она пила и его кровь. И это приводило его в неистовое возбуждение. У нас многие кавалеры занимаются этим, пряча пойманных от любимых девушек блох в специальной шкатулочке, которую носят всегда с собой, хвастаясь друг перед другом не только «знатностью» блохи, но и ювелиром, изготовившим для нее футляр, и стоимостью самого изделия. Да ты видел такую на шее Марселя. И вот на этом балу будет его дама сердца, и он надеется получить от нее еще одну блоху. Как оказалось позднее, способов получения таких «подарков» от дам сердца было достаточно много. Когда рядом с ней проходил кавалер, милый ее сердцу, она тихо вскрикивала и усиленно начинала искать укусившую ее блоху в определенном месте, которое зависело от ее фантазии. Естественно, кавалер не мог оставить любимую в беде и сразу бросился ей на помощь. Где специальной блохоловкой, где пальцами, а где и всей рукой он пытался ловить вредное насекомое в указанном дамой месте. Иногда эта игра затягивалась надолго, но раскрасневшиеся ловцы блох этого не замечали. Наконец, вредное насекомое было поймано, торжественно извлечено на свет, и после демонстрации счастливый обладатель отправлял ее в шейную шкатулку. Дама мило улыбалась, а кавалер, раскланявшись, шел дальше. Такое поведение стало обыденным на всех светских приемах, и никто уже на это не обращал внимания, если, конечно, «игра» не слишком затягивалась.

– Откуда же берутся блохи у дам? – удивленно спросил я.

– Как откуда? Из головы.

– Как из головы? – не понял я.

– Ну не прямо из головы, а из парика, который они носят постоянно на голове. Ты еще не знаешь, но женщины любят удивлять друг друга. И вот они, чтобы покрасоваться, делают на парике сногшибательные прически и ходят так целый день. Это стоит очень дорого, поскольку туда вплетают и ленты, и искусственные цветы, и все что угодно, чтобы было выше и красивее, то есть не так, как у других. Расплетать прическу ты каждый вечер не будешь. А чтобы парик не потерял свой вид, на следующий день его пристраивают на специальную подставку и взбрызгивают, кто водой, кто пивом, кто еще каким-нибудь составом, и он в таком состоянии служит своей хозяйке месяцами. Естественно, там заводится всякая живность, даже мыши.

– Не может быть! – воскликнул я, пораженный этим рассказом.

– Еще и как может быть! Сам скоро в этом убедишься.

И Пьер растянулся на полу на своем матрасе.

– Поэтому, когда будешь на балу и какая-нибудь дама призовет тебя на помощь, не вздумай давать волю рукам, так как ты еще не приучен к этому, а возьми специальную костяную или деревянную палочку и почеси в том месте, которое укажет дама, а то, не дай Бог, попадешь в неловкое положение.

– Больно мне надо! – фыркнул я в ответ и отвернулся к стенке.

Мой ответ так рассмешил моих друзей, что они минут пять хохотали, после чего все дружно отошли ко сну.

Наутро Пьер, принарядившись, потащил меня за собой в Парижский университет. Там нам встретилась шумная толпа студентов, которые, окружив нас, наперебой расспрашивали моего товарища, где он так долго путешествовал. Его краткий рассказ закончился одобрительными криками и похлопываниями по плечу. Почему-то больше таких тумачков досталось мне,

чем моему соседу. Затем все потащили нас на какую-то особенную лекцию, которую должен был читать известный профессор. Наклонная аудитория была забита до отказа и гудела, как пчелиный рой. Внезапно все затихли, и на кафедру взошел седоватый старичок, раскладывая перед собой листы бумаги. Его ассистенты развешивали рисованные плакаты на доске, которые отображали различные органы человеческого тела. Оказалось, что Пьер изучал медицину и в ходе своих путешествий собирал всякие народные лечебные рецепты. И сегодняшняя лекция была посвящена этой проблеме. Все молча стали слушать лектора, который рассказывал о различных способах лечения, периодически обращая внимание слушателей на плакаты. Затем внесли настоящего больного, и профессор стал проделывать над ним всякие манипуляции. Это заставило основную массу студентов спуститься вниз, чтобы поближе разглядеть демонстрируемые приемы лечения. Безусловно, многого я не понял из этой лекции, но наглядно увидел, где что надо пережимать и давить на теле в зависимости от сложившейся ситуации. Окончание лекции зал встретил бурной овацией, и студенты с шумом двинулись на выход, обмениваясь полученными впечатлениями. На улице толпа стала редеть, тонкими ручейками растекаясь в разные стороны. Остались только несколько человек – друзья Пьера. Верный сложившейся традиции, он пригласил их сегодня вечером отпраздновать свое возвращение. Его предложение встретило дружное одобрение присутствующих. Местом для встречи была выбрана таверна «Сосновая шишка».

Вечером, встретившись возле таверны, мы веселой компанией ворвались туда и быстро заняли длинный стол в углу. Он был почти свободен, и редкие посетители, сидевшие возле него, быстро перешли на другие места, не желая связываться со студентами. Пьер громким голосом потребовал вина и мяса. Его призыв был услышан, и минут через десять на наш стол водрузили четыре больших кувшина вина в виде сосновой шишки и перед каждым поставили глиняные кружки и куски зачерствевшего хлеба для резки на них мяса, которое горкой вышло в миске посредине стола. Призывно булькая, прохладное вино полилось в кружки, и Пьер, сидевший во главе стола, встал во весь рост и провозгласил тост за «Встречу старых друзей». Все дружно встали и в полной тишине выпили налитое до дна, а затем, дружно выдохнув, набросились на горячее мясо, накладывая его на лежащий хлеб. При этом каждый студент доставал из своих потайных мест одежды нож, который служил для нарезания кусочков мяса перед их употреблением. У меня столь необходимого атрибута студента не оказалось, и пришлось двумя руками брать принадлежащий мне кусок и откусывать его, используя естественное оружие человека. Затем пошли тосты «За друзьями», за «Альма-матер», за «Вечных студентов» и т.д. По мере того, как опустошались кружки с вином, менялось выражение лица и манера поведения студентов. Одни от выпитого приобретали цвет вареных раков, другие бледнели, а у третьих щеки наливались синевой. Кто-то спорил, кто-то что-то пытался доказать, а некоторые в самый неожиданный для всех момент пытались спеть песню. Одним словом, все было так же, как и у львовского студенчества. Входящие и выходящие посетители с опаской смотрели на шумную компанию, обходя ее стороной. Когда вся накопившаяся энергия была выплеснута наружу и кружка все чаще оказывалась пустой в результате наступившего финансового кризиса, поредевшая компания стала собираться домой. На удивление, все прошло спокойно: ни драк, ни громких скандалов, что было большой редкостью здесь. Я чувствовал себя нормально, так как осилил всего полкружки этого, похожего на воду, вина. Единственное, что было необычным, это то, что во всем теле появилась какая-то легкость и все лица вокруг выглядели очень симпатично.

Улица приняла нас в свои объятия, обдув сразу прохладным воздухом и окутав темнотой. Кое-где проблескивал фонарь случайного прохожего, спешащего домой в сопровождении слуги, держащего источник света на палке впереди хозяина. Остальной люд шел в темноте, матерясь от того, что лужи и грязь слишком часто попадались на пути. Распрощавшись с друзьями, мы медленно двинулись домой, вдыхая прохладу, которая настраивала на молчаливое

созерцание звездного неба, постепенно открывавшегося пытливному взору. Мы шли, раскачиваясь из стороны в сторону, касаясь плечами друг друга и пытались найти правильную дорогу, на которой бы нас не шатало. Несмотря на все старания, мы не смогли сделать этого и Пьера увело вправо от меня, туда, где темнел какой-то проулок. Когда он почти скрылся в темноте, ведомый винными парами, оттуда послышался звон оружия и тихий вскрик. Сразу протрезвев, я бросился стремглав туда. Моему взору предстала необычная картина. Пьер под приставленной к его шее шпагой медленно двигался назад. А впереди него трое молодцов дрались с двумя своими противниками, причем всего лишь один из них пытался защитить второго, который был одет в черную сутану и стоял лицом к врагам, опираясь спиной на каменную стену. Отступить ему было некуда, и по мере того, как его противники наступали, наскакивая со всех сторон на его защитника, он непроизвольно пытался найти безопасное укрытие, все больше прижимаясь к холодной стене. Времени не было, нужно было спасать друга. Не раздумывая, я сделал вид, что поскользнулся, и кубарем подкатился под Пьера. Он, падая на спину, ушел от острия грозившей ему шпаги и перекатился через меня. Не останавливаясь, я правой ногой подцепил ноги нападавшего, который, падая, выпустил шпагу и грохнулся затылком на мостовую, застыв там с раскинутыми руками. Пьер вскочил на ноги и, схватив валяющуюся рядом шпагу, полный жаждой отмщения, ринулся туда, где шел нешуточный бой. Увидев его, один из нападавших бросил своих товарищей и скрестил с ним шпаги. Я тоже, войдя в азарт, решил помочь оставшемуся смельчаку и бросился вперед. Моему порыву попытался помешать высокий худой разбойник, выставивший мне навстречу свою шпагу. Однако это не остановило меня. Действуя автоматически и не имея в руках никакого оружия, я вынужден был импровизировать. И это мне удалось. Уклонившись от удара смертельной стали в грудь, я поймал острие шпаги в широкий рукав моей студенческой одежды и выкрутил ее в сторону противника так, что он вынужден был выпустить ее из рук. В благодарность за это я резко ударил его ногой в живот с такой силой, что он согнулся пополам и стал хватать воздух широко раскрытым ртом. Чтобы помочь ему, я приложился ему в подбородок, в результате чего он потерял сознание и медленно осел на землю. Развернувшись к продолжавшим поединки соперникам, я краем глаза увидел, что Пьер с успехом теснит своего противника, а защищающийся кавалер перешел в наступление. Поняв, что там все в порядке, я решил помочь сражающимся рядом со мной. Однако, словно услышав мои мысли, воспрянувший духом защитник монаха, не прерывая поединка, громко крикнул:

–Спасибо, месье, я сам справлюсь, – и пронзил соперника шпагой.

Тот, зажимая рукой рану в плече, опустился на колени, демонстрируя покорность победителю. В это время и Пьер закончил свою неожиданную дуэль и подошел к нам. Кавалер, поблагодарив нас, сделал приветственный жест шпагой и, пропустив вперед оторвавшегося от стены монаха, вложил ее в ножны. Монах в надвинутом на брови капюшоне молча подошел к нам и, бросив пристальный взгляд, развернулся и быстрым шагом двинулся вперед. За ним последовал и его сопровождающий. Мы с Пьером переглянулись и, бросив на землю шпаги, двинулись навстречу выплывающему в переулок нашему третьему собутыльнику. Он был в таком состоянии, что ничего не заметил, а мы, не объясняя ему ничего, сразу взяв его под руки, быстро отправились домой. По пути я долго думал о том, с кем меня свела судьба, кого мы защитили и для чего это было нам нужно. Лица монаха я так и не рассмотрел, зато оказалось, что он меня хорошо запомнил и это в дальнейшем сыграло свою роль. Дома, умывшись во дворе ледяной водой, мы улеглись спать, так как завтра предстоял наш выход в свет на бал в Бурбонский дворец.

Безусловно, такой бал был всегда праздником для его участников. Дамы шили платья, придумывали новые прически и подбирали украшения. Не отставали от них и мужчины. Они тоже обновляли свои костюмы, готовясь к очередному флирту и возможности показать свою неотразимость, которую должна была подчеркивать каждая деталь их одежды. В связи с этим

и нам надо было соответствовать этим правилам. Поэтому после обеда мы с Пьером отправились к его знакомому графу, чтобы привести себя в порядок и всем вместе отправиться во дворец. Нас там уже ждали и сразу провели в гостиную, где находился хозяин. Критически осмотрев меня с ног до головы, он отложил в сторону трубку, встал и предложил нам следовать за ним. Пройдя по коридору, мы очутились в одной из комнат, которая была вся заставлена шкафами с одеждой. Кроме того, вдоль одной из стен стояли специальные деревянные подставки, на которых были надеты различного рода парики, камзолы, пиджаки и другие атрибуты мужской одежды. Все это принадлежало графу. И если для Пьера не было проблем, так как его парадная одежда хранилась в одном из шкафов, то со мной возникло затруднение, с которым они с графом собрались справиться вместе. Граф дернул за шнур, висевший возле окна, и в комнату вошли двое слуг и встали у двери, ожидая указаний. Граф еще раз оценивающе посмотрел на меня и дал команду начать мое облачение в светские одежды, используя костюмы, находившиеся возле окна. Один из слуг подошел ко мне, а другой стал помогать одеваться графу. Мне пришлось снять такой привычный и такой удобный мой балахон и по очереди примерять то, что подносил мне слуга. Первым делом мне предложили надеть белые панталоны, которые туго обтянули мои ноги, ужав до предела все остальные места. Мне стало неловко, так как я боялся повернуться и присесть. И кроме этого мое естество стало предательски выпирать наружу, вводя меня в краску. Я оглянулся, чтобы выразить свое смущение, однако в это время мои коллеги делали то же самое, причем граф еще и подложил в это самое место специальную прокладку, которая еще более усилила определённую часть тела. Заметив мое недоумение, Пьер рассмеялся и бросил мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.